

Юлия СКУРКИС
Александр СОЛОВЬЁВ

ОШИБКА 95



@ЭЛИТА



12+

Юлия Скуркис

Ошибка 95

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Скуркис Ю.

Ошибка 95 / Ю. Скуркис — Электронное издательство "Аэлита",
2013

Колонисты планеты Терра-три, потомки землян, добровольно отказываются от личности, отдавая контроль над разумом искусственному интеллекту. Люди счастливы, и вскоре не останется недовольных. Но находится тот, кто в одиночку готов бороться против кибернетического рабства. Бывший астронавт Айвен Смит бросает вызов существующему порядку.

© Скуркис Ю., 2013
© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1 | 5 |
| Глава 2 | 20 |
| Глава 3 | 33 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 42 |

Юлия Скуркис, Александр Соловьёв

Ошибка 95

По мнению профессора Дельгадо, нейротехнологии вряд ли когда-нибудь достигнут таких высот, как того многие опасаются: для этого необходимо знать, как сложная информация кодируется в мозге, а до этого ещё очень далеко. Более того, изучение квантовой механики или нового языка основано на постепенном изменении уже существующих связей в мозге, – считает Дельгадо. «Можно ли запретить приобретение знаний? – спрашивает Дельгадо. – Нельзя! Можно ли остановить развитие техники? Нельзя! Прогресс будет продолжаться вопреки этике, вопреки вашим личным убеждениям, вопреки всему на свете».

Из интервью профессора физиологии Йельского университета Хосе Мануэля Родригеса Дельгадо для журнала «Scientific American». 22 ноября 1961 года

Разработана технология дистанционного управления и контроля поведения животных, основы которой были заложены в начале 70-х годов XX века профессором Дельгадо. Продемонстрирована высокая эффективность метода и полная биосовместимость устройства с тканями мозга.

*Конечная цель исследования – выработать практические системы, подходящие для применения в... (далее – вычеркнуто цензурой).
Из рассекреченного циркуляра ЦРУ, Проект МК-УЛЬТРА-2*

Вы собираетесь играть на мне.

Вы приписываете себе знание моих клапанов.

Вы уверены, что выжмете из меня голос моей тайны.

Гамлет, принц датский. В. Шекспир

Глава 1

Каждый занимал свой этаж, – это все, что было известно Клифу о размещении отдела, который он возглавлял. Его собственный этаж площадью триста пятьдесят три квадратных метра был устлан белым звукопоглощающим покрытием. Никаких окон. Оборудование состояло главным образом из процессоров и анализаторов и располагалось вдоль стен. Время от времени, вставая из-за компьютера, он расхаживал огромными шагами посреди помещения. Три раза в день Клиф ел то, что привозил робот. Семь часов в сутки спал. Полчаса ежедневно уделял процедурам. И никогда не покидал этаж.

Он не знал, как выглядит лицо той женщины, что быстро (неестественно быстро) отвечает на его вопросы. Он не видел парня из первого бюро, но тот всегда беспрекословно выполнял его указания. За какие ниточки дергали эти женщина и парень, его не касалось. Все было просто: вассал моего вассала – не мой вассал. Впрочем, ему было известно, что кроме них – невидимого ядра отдела, работавшего в Башне, – есть еще сотни и тысячи служащих и контролеров в регионах – людей, которые топчут землю, управляют транспортом, инспектируют полицию и организации. Для него они были только пешками, которые можно передвигать по карте мира. Клиф называл их функциями. Сам он был частью маленькой системы, контролирующей большую. Главная его задача состояла в том, чтобы следить за графиком процентного соотношения «новых людей» и «несистемщиков», а также анализировать программные сбои.

График менялся непрерывно, но должен был совпадать с прогнозируемой кривой. Если где-нибудь в восточных регионах наблюдался скачок или застой, Клиф применял силовые методы. Каждый день он анализировал программные сбои и докладывал о ситуации президенту.

Все способности, которыми наделила его Система, Клиф мог использовать только для работы. Ему никогда не хотелось нарушить это правило. Ощущение огромной ответственности, лежавшей на нем, было привычным, и он ни разу не задумался над тем, чтобы попросить президента перевести его на другую работу. Ежедневная пятнадцатиминутная процедура супермотивации служила основой его непоколебимости.

До связи с президентом оставалось девять минут.

Клиф посмотрел на голографическую репродукцию знаменитой картины Алекса Диреля «Восход Терриона» – единственное красочное пятно среди стерильной белизны. Когда выпадала свободная минута, он разглядывал постоянно меняющееся изображение. Особенно Клифу нравилось, если его перерыв совпадал с началом цикла и длился до самого конца. Тогда можно было наблюдать, как на месте болот рождается город: первое, что появилось на осушенной территории – щит с надписью: «Строительство сооружений правительственного комплекса. Строительная корпорация “Терра-3-Регион”». Голограмма некоторое время демонстрировала первозданное запустение, а на следующем полотне посреди Площади Вечного Дня уже кипели строительные работы: этаж за этажом Башня Правительства возносилась в небо, переливаясь в лучах утреннего солнца как драгоценный камень. Ее медленное вращение завораживало. Клиф смотрел на здание то со стороны Платиновой Арены, то из-под великолепной Звездной Арки, то от Белого Дворца, которые возводились одновременно. Всякий раз он мысленно переносился в годы юности, в тот день, когда впервые приехал в столицу.

Башню Клиф увидел издали, она возвышалась над приземистыми строениями Центра на полторы сотни метров, как гигантская стела, будто бы высеченная из цельного кристалла. Поляризованное стекло и хрусталь создавали ощущение хрупкости и воздушности. Скошенная вершина и грани верхнего утолщения отражали солнечные лучи, окрашивая их, то зеленым, то красным. В трещинах между гранями прятались цепи круглых и овальных окон правительственных музеев, конференцзалов. Ниже, где утолщение превращалось в серебряные, отливающие ледяной синью, спирали были правительственные этажи; они доходили до второго – цокольного – расширения без окон.

Клиф долго стоял на берегу озера Большой Кратер, к которому примыкала Площадь Вечного Дня, – громадный эллипс, накрытый прозрачным светящимся куполом, – и не мог оторвать взгляда от игры света в гранях Башни. Потом он прогуливался по площади, представляя, как однажды придет на какие-нибудь важные торжества, праздничное шоу, а лучше всего на великий террионский карнавал. Вдоволь помечтав, Клиф отправился на главную улицу столицы: улицу Двенадцати Регионов, где любили прогуливаться и туристы, и жители Терриона. Но его манили не знаменитые торговые ряды, он хотел взглянуть на статуи первых региональных администраторов-патриархов, у подножий которых были разбиты уютные скверы – излюбленные места отдыха для студентов, прибежище художников и влюбленных. Об этом Клиф прочитал в путеводителе по столице. Он посидел на лавочке «под Морштиним», затем «под Кофманом». Ему хотелось быть в свите одного из патриархов и сделать много важного и полезного. Но кто он такой? «Простой паренек из далекого региона, вряд ли сумеет оказаться ближе к великим людям, чем сейчас», – подумал он тогда.

До связи с президентом оставалось три минуты.

Неожиданно в нижнем левом углу монитора замерцал маячок с цифрой тридцать пять: включилась видеокамера в одном из операционных блоков «Киберлайф». Процедура инвазии! Клиф облизнул губы. Рука сама собой дернулась к сенсорной панели, чтобы вывести изображение на монитор. Слева на пол-экрана развернулось окно видеонаблюдения, справа по-прежнему бежали, обгоняя друг друга, столбики цифр: позволить себе полностью оторваться от

работы Клиф не мог. Он замер в ожидании. С таким чувством скупой рыцарь отворял сундук, чтобы положить в него очередную монету и насладиться ростом богатства.

Президент вот-вот выйдет на связь, но он пунктуален, и значит, есть две минуты в запасе, а соблазн *еще раз* увидеть процедуру слишком велик.

Клиф знал процесс от и до, но ему не надоедало следить за действием. Инвазия биосивера была ритуалом, в котором ему отводилась роль верховного жреца-созерцателя. Врачи отработали процедуру до автоматизма и неизменно укладывались в полторы минуты. В этот малый период время начинало течь для Клифа по-другому: сначала невероятно медленно, а затем все более и более ускоряясь – вплоть до апогея, когда вдруг начинали потеть ладони, а дыхание учащалось.

Расческа в руке ассистента отвела волосы на затылке пациентки... Облачко аэрозоля оросило шею... Указательный палец врача нащупал затылочный бугор, чуть ниже анатомер коснулся кожи, на ней жадно распахнулся маленький рот, он был готов проглотить пилюлю...

– Как дела, Клиф? – раздался голос президента.

За миг до этого Клиф (сработала интуиция!) закрыл картинку. Развернувшись к главному головицу, он выпрямился по стойке смирно и, не моргнув глазом, отчеканил:

– Добрый день, господин президент. Докладываю. Шестьдесят три целых восемь десятых процента «новых» против тридцати двух целых двух десятых «несистемщиков». В девятом регионе как прежде застой. Приостановлен скачок в первом и двенадцатом. Среди принятых мер проведено две крупных миграции на восток: в одной пятьсот восемь человек, в другой двести сорок. На сегодняшний день список программных сбоев модели один по-прежнему включает в себя девяносто четыре ошибки. Процент киберпсихозов среди клиентов программы сохраняется на прежнем уровне.

Закончив рапорт, Клиф поклонился.

Президент некоторое время сверлил его взглядом, затем отрывисто произнес:

– Врачи с инженерами считают, что первая модель нерентабельна, девяносто четыре программных ошибки это недопустимое превышение лимита, но доработка второй модели займет семь месяцев. Тем не менее, к юбилею мы должны достигнуть восьмидесяти пяти процентов. Я бы хотел, Клиф, чтобы ты слегка перестроил график. Ускорь процесс.

– Но, господин президент... – Клиф был обескуражен. – Вмешательство приведет к учащению сбоев. Программа не рассчитана...

– С каких пор ты стал говорить «но»? – прервал его президент.

Клиф осекся и медленно отвел взгляд от головицы.

– Сделай то, чего требует Система, – внушительным тоном произнес президент. – Государство платит деньги сотням тысяч людей в форме для того, чтобы они выявляли сбои, о которых ты говоришь. И еще есть тысячи врачей и инженеров, готовых в любую минуту устранить любые проблемы. А между этими двумя структурами стоишь ты, Клиф, которого я назначил начальником, для того чтобы мои приказы безоговорочно исполнялись.

– Да, господин президент. Если Система требует, процесс будет ускорен. Все сбои...

– Оставь это, Клиф. Теперь твоя цель – восемьдесят пять процентов. Приказ я уже подписал. Можешь посмотреть во входящих. Сбоями займутся ученые из корпорации. – Президент улыбнулся той улыбкой, которая всегда действовала на Клифа успокаивающе.

– Мы все учимся, добавил он. И должны быть благодарны любым проблемам за то, что они дают нам возможность дальнейшего развития, не так ли?

– Да, господин президент, – ответил Клиф. – Я перестрою график. Процесс будет ускорен. К юбилею мы достигнем восьмидесяти пяти процентов.

* * *

Мила наблюдала из окна кухни за тем, как соседи выбираются из розовой авиетки. Бурцевы переехали сюда недавно, как раз после ее развода с Дэном. Дети – мальчик и девочка лет семи-восьми – выскочили на лужайку. Немного погодя из-за откинутого колпака, заслонявшего салон авиетки, показался полноватый, с залысинами на крупной голове господин Бурцев. На его лице сияла улыбка. В белоснежной рубашке с расстегнутым воротом, закатанными до локтей рукавами и черных брюках он выглядел как жених во время неофициальной части церемонии. Приосанившись, Бурцев проворно обошел, почти обежал, авиетку и с подчеркнутой галантностью протянул руку. Тут же показался заостренный шиньон, и на лужайку выбралась госпожа Бурцева. Она кокетливо тронула прическу, поправила зеленое облегающее платье и рассмеялась в ответ на шутку супруга. Бурцевы поцеловались и стали переносить вещи. В этот момент они выглядели приторно счастливыми, впрочем, как и всегда.

Мила отвернулась от окна. Пасторальная картинка действовала ей на нервы: в отношениях соседей усматривалось что-то неестественное, сродни плохой актерской игре. Как же ей надоели эти сочувственные взгляды Бурцевой, которые она ловила во время всякого разговора с ней! Так и подмывало спросить: по-вашему, одинокие люди ущербны? Если правительство надумало вновь обратиться к семейным ценностям, нельзя воспринимать это буквально. Мила была возмущена тем, что некоторые работодатели при приеме на работу вдруг начали отдавать предпочтение семейным людям. Недоумевала она и по поводу Бурцевой, которая преисполнилась ощущения собственной значимости и важности просто оттого, что статус замужней домохозяйки и матери стал популярен. Чем тут гордиться?

Другие соседи по улице, успевшие побывать у Бурцевых, в один голос твердили, что в их доме отдыхаешь душой. Возможно, так оно и есть. Бурцевы – гостеприимные и доброжелательные люди, но Мила чувствовала себя с ними не в своей тарелке. Ну, не бывает семей «без скелетов в шкафу», такова человеческая природа. Как бы ни стремились муж и жена сохранить мир, рано или поздно число уступок, на которые приходится идти, превышает критическую массу, и конфликт становится неизбежен.

А вдруг это тот самый редкий случай абсолютного счастья и взаимопонимания? Дети послушные, чистенькие, вежливые, никогда чрезмерно не шалят. Идеальная семья. А что, если Бурцевым известна какая-то тайна, скрытая от мира? Хотелось ее разгадать или убедиться, что это мнимое счастье.

«Чем копать в чужом грязном белье, займись-ка лучше уборкой», – посоветовала себе Мила.

К вечеру, закончив дела по дому, она вынула из морозилки коробку мороженого, вскрыла ее и воткнула ложку в сливочные недра. Это действие и предвкушение приятного времяпровождения на диване перед головидом наполнили ее ощущением гармонии с окружающим миром. Она удобно устроилась, отыскала погребенный среди подушек пульт.

«Славный костюмчик, покрой нестандартный», – отметила Мила, рассмотрев во всех деталях объемный образ телеведущей. – Смело, романтично и главное – угадывается ретро в новом витке моды. Вполне подходит для молодой женщины».

Она пощелкала пультом, переместила скопированное изображение к зеркалу.

«Сейчас прикинем, подойдет ли мне такой фасон», – Мила встала с дивана и вошла внутрь голографического костюма.

«Эпатажно. – Она хитро прищурилась. – Но смотрится на мне хорошо. Только для шатенки цвет нужен другой. Да, пожалуй, вот этот».

Она поменяла цветовую гамму.

Совсем другое дело, даже глаза, кажется, засияли ярче.

Мила подошла ближе к зеркалу. Вспомнился прошлогодний хит Ремо «Твои глаза цвета молочного шоколада», – не иначе как про нее песня. Она приподняла каштановые с янтарным отливом локоны, соорудив высокую прическу, повернулась вместе с изображением, посмотрела на себя сбоку, сзади.

Удовлетворенно кивнув, Мила стерла голограмму, наскоро завязала хвост и вернулась к коробке с мороженым, которое оказалось выше всяких похвал. Она довольно зажмурилась и улыбнулась. Простые удовольствия – самые лучшие.

С экрана лились последние новости двенадцатого региона: разморозка окончательно завершена; интервью у последнего размороженного; реклама Киберлайф; демонтаж холодильников; рейтинг двенадцатого региона; отрывок выступления шеф-оператора Фридриха Ганфа; события в других регионах Терры-три; Новая Система дает начало новой эпохе; достижения биокИБернетики.

Мила слушала в пол-уха, ожидая любимый сериал. Мороженое таяло, ложечка медленно снимала верхний слой.

На экране появилась переливающаяся всеми цветами радуги Башня Правительства. На фоне этого буйства красок ведущий в белом костюме смотрелся весьма выигрышно. Он отработав краткое сообщение: «Террион продолжает готовиться к своему трехсотлетнему юбилею. В столице невероятная суета. Число конкурсных проектов по украшению города превысило все ожидания. Комиссия решила подключить к голосованию население, чтобы определить предпочтения террионцев».

«Если бы я жила в Террионе, то обязательно приняла бы участие», – подумала Мила.

До праздника оставалось ровно семь месяцев, но ей было не с кем отправиться на карнавал, а одной лететь не хотелось. И не было надежды, что за это время что-то изменится.

На экране появился бородатый старик, историк. Он заговорил мягким баритоном, упомянул Страшные Времена с их войнами и кризисами, которые окончательно перестали грозить человечеству с начала эпохи терраформирования. «Очень скоро мы отпразднуем трехсотлетие Терриона, столицы нашей родной планеты Терры-три, – с улыбкой сказал историк. – Вспомним о подвигах первых поселенцев и восславим единство человечества, ведь наша общая колыбель – Земля. Чтобы мы не забывали своих истоков, основоположники терраформирования издали Указ: каждую новую планету называть Террой, а ее главный город Террионом. Это земли обетованные, где осуществилась мечта человечества об Эре благоденствия».

Историк пропал, и телеведущая бодро объявила, что теперь коренными землянами по праву могут считаться только «размороженные». Тут же показали одного из них. Он принимал участие в подготовке к карнавалу и рассказывал о проекте под названием «Икар». Следом зазвучал хит «Я люблю вас больше жизни» в исполнении Ремо.

Мила видела «размороженных» только по головиду. В реальности ни одного из этих пятнадцати тысяч землян, давших согласие на криогенное усыпление, она не встречала. Поговаривали, что где-то на востоке седьмого региона, на берегу Китайского Залива, для них построен город, своего рода резервация – специально для того, чтобы обезопасить прочих террионцев от случайного пробуждения бактерии, которая столетие назад поразила землян. Это было, конечно, неправдой. Мила видела выступление главного санэпидемиолога региона, заявившего, что палочка Топо́са уничтожена навсегда.

Предки Милы были в числе первых поселенцев, поэтому она считалась коренной жительницей Терры-три с неплохим состоянием. В прошлом тем, кто покидал перенаселенную Землю, платили приличные премиальные за освоение новых территорий. Мила владела домом в одном из престижных пригородов Никты, – центра двенадцатого региона, – а солидный банковский счет позволял ей не задумываться о хлебе насущном и приносить пользу окружающим, занимаясь тем, что доставляет удовольствие.

В маленьком садике и домашней лаборатории она выводила новые виды декоративных растений, которые пользовались успехом у покупателей. В прошлом году нарасхват шли поющие колокольчики. Изменяя размер бутона и отверстий в его основании, Мила добилась различных музыкальных тональностей. Чтобы легче ориентироваться, она заложила в каждый генотип цвет, который показался ей наиболее подходящим для издаваемого звука. Для исполнения простеньких популярных мелодий пришлось разработать систему ветродуев, замаскировав ее под декоративную решетку клумбы. Цветы располагались в определенном порядке и по желанию хозяев радовали их своим пением. Но наступление сезона ветров доставило немало неприятностей – мирный, тихий пригород двое суток оглашался жуткой какофонией, доносившейся из каждого сада. Однако Мила и тут не растерялась – выдумала колпаки для поющих клумб. Соседи остались довольны.

Мила смаковала мороженое, размышляя, какой же из проектов украшения столицы больше пришелся ей по душе, когда зажужжал звонок. Она вздрогнула: «Странно... Я никого не ждала».

Мила поставила на журнальный столик мороженое и нехотя встала с дивана. Не отрывая взгляд от головида (в эту минуту в сериале показывали как раз лихо закрученный эпизод), она нащупала ногой тапки. Тут к счастью включили пятиминутный блок рекламы.

– Иду, иду, – проворчала она, когда незваные гости позвонили еще раз.

На пороге, сияя невероятно жизнерадостной улыбкой, стояла пухленькая Татьяна Бурцева со свертком. Шиньона у нее на голове уже не было; собранные в два пучка волосы торчали, как беличьи уши. Мила постаралась изобразить столь же искреннюю радость и пригласила гостью войти.

– Камилла, это для вас. – Гостья протянула сверток, пахнувший свежей выпечкой, и пакет с журналами.

– Спасибо. – Мила, взяв гостинец и рекламное чтиво, принялась исподволь разглядывать модный костюм соседки и аккуратные туфельки на высоченной шпильке.

Тона вживленной колористики на лице Татьяны идеально сочетались с ее сегодняшним цветом волос и гармонировали с одеждой. Визажист ей попался талантливый – так разработал программу, что чрезмерная округлость лица удачно скрадывалась.

Мила икоса глянула на собственное отражение в зеркале и, естественно, осталась недовольна. В самом деле, когда она в последний раз подходила к макияжнице? Ну, ясное дело, это было неделю назад в день поездки за продуктами. Нельзя сказать, что без макияжа на нее было больно смотреть, просто в нынешнее время это стало чем-то сродни одежде. Колористику вживляли всем девушкам, достигшим шестнадцатилетнего возраста. И не только девушкам. Заметив синяки у себя под глазами и выбившуюся из прически прядь волос, Мила поморщилась. Она заправила прядь за ухо и натянуто улыбнулась соседке.

– Я зашла буквально на минуточку, – сказала Бурцева. – Мы обеспокоены тем, что вы вот уже третий день не выходите из дома.

– Вы следите за мной? – осведомилась Мила.

– Какая вы шутница! – Татьяну это предположение искренне позабавило. – Мы беспокоились, вдруг вы заболели, но стесняетесь попросить о помощи. Я принесла вам угощение и кое-что почитать.

Мила почувствовала, что краснеет.

– Спасибо, – сказала она. – У меня все в порядке, просто домашних дел много накопилось, вот я и решила покончить с ними разом.

Бурцева собралась уходить и Мила, еще раз поблагодарив соседку, заперла за ней дверь. Рекламный блок уже подходил к концу. Мила уселась на диван и со вздохом развернула гостинец. Вкусности выпятились и защекотали нос аппетитными ароматами. Сама-то она могла удержаться от покупки нежелательных продуктов, но когда их вкладывали прямо в руки, да

еще с наилучшими пожеланиями и совершенно безвозмездно... Мила поджала губы – всегда любила выпечку, но два-три лишних килограмма уже застолбили участки на ее теле. Она взяла пирожок с фиолетином и, надкусив это яблоко раздора между желудком и разумом, уставилась в головид, где снова тонули в невероятных перипетиях сериальные герои. Конечно, утонуть окончательно за оставшиеся несколько минут они так и не успели.

Мила прошла по каналам и, не найдя ничего интересного, начала пролистывать яркие рекламные проспекты, принесенные Бурцевой. Новый звонок в дверь оторвал ее от журналов. Мила встала и поплелась в прихожую. На пороге стоял бывший муж.

«Вот и провела мирный вечерок с уютными посиделками перед головидом», – подумала Мила и криво улыбнулась. Спohватившись, как бы эта улыбка не была истолкована превратно, она изобразила полнейшее безразличие.

– Войти можно? – поинтересовался Дэн, нахмутив рыжие брови.

Мила посторонилась.

– Зачем пришел? – спросила она.

– Взять кое-что, – буркнул Дэн, топая в грязной обуви по недавно вымытому полу. Бывший муж в свою бытность мужем настоящим имел пренеприятную и, как выяснилось, совершенно неистребимую привычку: срезая путь, проходить к дому через сад.

Выскочил маленький робот-уборщик и нервно засуетился, наводя порядок. Устаревший механизм не справлялся. Мила давно собиралась его заменить, но все как-то руки не доходили. Она бы никогда не создалась в том, что привязана к механическому малышу, который сновал по дому в ее бытность девочкой. Иной раз она с ним даже разговаривала, как в детстве, ведь он был свидетелем стольких событий и знал дорогих ее сердцу людей.

Мила закусила губу, сдержав порыв высказать все, что думает по поводу наносимого ее порядку ущерба. Эту битву она проиграла, Дэн так и продолжал, несмотря на ее многочисленные увещания, ходить по дому в уличной обуви. Мила сделала долгий выдох сквозь сложенные трубочкой губы, словно выпуская пар. Дэн оглянулся.

– Ах, да. Извини. – Он вернулся к входной двери и снял обувь.

– Очень своевременно, – пробурчала Мила, и ушла на кухню, прихватив пакет с выпечкой.

Экс-муж долго рылся в гостинной, наверняка разыскивая что-то архиважное, без чего просто не мог заснуть сегодня ночью. Устав прислушиваться и удержав себя от попытки подсмотреть, Мила заварила зеленый чай с жасмином и подогрела выпечку. Через некоторое время появился Дэн.

– Пришел на запах, – сказал он и улыбнулся немного виновато.

Мила поставила еще одну чашку и налила чай. Мельком она взглянула на коротко стриженные волосы бывшего мужа. Он оставался предан стилю прошлого десятилетия; единственное, что иногда менялось в его прическе – форма баков. Трехдневная щетина, поджатые губы, нагловатый прищур зеленых глаз – все как у его любимого исполнителя астроника. «Ну, хоть чему-то он верен», – мысленно усмехнулась она.

Дэн присел за стол; он долго помешивал чай, ожидая, когда напиток остынет, исподлобья поглядывая на бывшую жену.

– Слышала, последнего «размороженного» вылечили.

Мила промолчала.

– Это значит, что Терра-три наконец выполнила свою дурацкую вековую миссию. Теперь не мы будем работать на отморозков, а они на нас. Знаешь, какие суммы государство тратило на эти холодильные установки?

Мила прикинулась безучастной. Ей были не по душе разговоры о политике с экономикой, даже не столько из-за невежественности ее в подобных вопросах, а потому что Дэн всякий раз неумоимо распалялся, когда начинал рассуждать об этом. Он всегда был чем-то недоволен,

возмущен, искал виноватых. Разве эти несчастные люди, что пролежали больше столетия в ледяных камерах, что-то ему должны?

– Мила, тебе не одиноко? – завел Дэн старую песню. – Может, забудем нашу размолвку...

– Так ее звали Размолвка?! – Накатила волна раздражения. – Мы уже все обсудили и решили, Дэн. Все твои Размолвки, Недоразумения, Случайности и Сверхурочные меня больше не касаются.

– Я же говорил, что все это несерьезно, я не собирался уходить от тебя и...

– Все, Дэн, хватит! Для меня ты уже история.

Его лицо побагровело, стало почти одного оттенка с ярко-рыжими волосами. Дэн вскочил, опрокинув чай, и понесся к выходу, яростно ругаясь. Было время, когда Милу пугали вспышки его гнева, и тогда ей хотелось спрятаться где-нибудь в доме и не попадаться мужу на глаза. Но всему в этом мире однажды приходит конец, как хорошему, так и плохому. Она многое готова была терпеть и прощать, однако бесконечные измены и постоянная ложь в этот список не входили.

Дэн, хлопнув дверью, выскочил в ночь, в моросящий дождь прямо в носках, затем, чертыхаясь, вернулся, схватил кроссовки и снова хлопнул дверью, крикнув напоследок:

– Ну и сиди в одиночестве до конца своих дней, жри сдобу, пока не превратишься в жирную свинью!

Еще три месяца назад она бы разрыдалась, но та прошлая Мила все более и более растворялась в нынешней.

– Отлично, – процедила она сквозь зубы, вытирая чайную лужу и отгоняя механического малыша, от которого было мало толку. – Только почувствуешь себя вполне счастливым человеком, как непременно явится тот, кто сделает все, чтобы твоя жизнь раем не казалась.

Зажужжал звонок.

Мила в сердцах шарахнула кружкой Дэна об пол и пошла открывать, дав роботу возможность прибрать осколки и хоть как-то оправдать свое пребывание в доме.

– Милочка, вы в порядке? Я случайно из окна кухни увидела...

Татьяна Бурцева вызвала у Милы желание совершить преступление. От нервного напряжения предательски задергалось веко, но ответ прозвучал спокойно:

– Все в порядке, спасибо, что беспокоитесь обо мне.

– Хотите, посижу с вами? Поговорим, пожалуемся друг другу на жизнь, – предложила Бурцева.

– Нет, спасибо. Я собираюсь лечь спать.

– Поверьте, лучше выговориться, чтобы, не дай бог, не наделать каких-нибудь глупостей.

– Ну, какие глупости! – взорвалась Мила.

– Вот видите, вы перевозбуждены и очень расстроены. Однажды, когда у нас с мужем возникли серьезные проблемы, я чуть было не отравилась, – заговорщическим шепотом произнесла Татьяна.

Неужели проблемы в раю?! Мила уступила напору и посторонилась, пропуская гостью. Они расположились на кухне, и чаепитие продолжилось.

– У нас был семейный кризис, – вещала Татьяна. – Видите ли, я не могу иметь детей, а для Руслана полноценная семья очень важна. Он говорил, что воспитывать детей – наш гражданский долг. Дело шло к расставанию, но потом мы обратились в центр «Счастливая семья» и все наладилось.

– Так дети у вас приемные?

– Да, чудесные ребята! Может быть, и вам стоит туда обратиться? Время от времени мы посещаем занятия, если решитесь, можем поехать вместе.

Мила осторожно убрала со стола руку, которую Бурцева ласково похлопывала.

– Спасибо, я предпочитаю двигаться дальше.

– В проспектах, которые я принесла, есть реклама нашего центра, – спохватилась Татьяна. – Кстати, там помогают разыскать свою половинку. Они используют новейшие технологии тестирования и у них обширнейшая база данных. Возможно, ваша половинка где-то совсем рядом, а может и на другой Терре. Не сомневайтесь – они разыщут.

Выпроводив, наконец, соседку, Мила вздохнула с облегчением. Порывшись в кучке ярких проспектов, она отыскала тот, о котором упоминала Бурцева. Мила и не думала обращаться в этот центр, просто было любопытно, что за технологии улучшения весьма сложных, как оказалось, семейных отношений, там предлагают. К тому же, в памяти неприятным рефреном звучали брошенные Дэном слова: «Ну и сиди в одиночестве до конца своих дней...» Что б тебя!.. Она прихватила с кухни пакет с оставшимися пирожками, мысленно махнув рукой на последствия, и пристроилась на диване.

Мила не боялась одиночества, пожалуй, даже испытывала к нему самые нежные чувства. Но как быть с комплексом неполноценности, который так старательно и небезуспешно взращивался? Да, сама виновата, что позволила, что допустила, что начала сомневаться в собственной привлекательности.

Мила уплетала пирожки с фиолетином и шуршала глянцевыми страницами, исполненная праведного негодования.

– Ерунда, – проворчала она, пробежав глазами вступительную часть статьи. – А вот это уже интересно. – Мила наткнулась на рекламу одного из промышленных гигантов и принялась зачитывать вслух:

– Корпорация «Киберлайф». Вживание биосивера со сценарием идеальной жизни. Обалдеть! Никаких конфликтов, ссор, выяснения отношений, измен, только бесконечная любовь и взаимопонимание. Счастливые дети счастливых родителей и т. д. и т. п. Возрастные ограничения для детей... Так, так. А здесь для весьма богатых клиентов программирование образца по выбору заказчика. Ух, ты! Вот уж воистину, «позатрошил и бросил!» без всяких последствий, снесли девушке программу, и помнить – не помню, знать – не знаю. – Мила повздыхала и пролистнула еще несколько страниц. О подобных технологиях давно говорили, рекламировали, но она никогда не придавала этому серьезного значения, все это было где-то в запредельных для нее областях. Слишком дорого и не по-человечески как-то.

– До чего же надо дострадаться, чтобы согласиться на такое. О! А вот это вполне приемлемо: клуб знакомств... И зачем мне все это нужно?!

Мила захлопнула журнал и зашвырнула его за диван. Просмотр телепрограмм уже не привлекал, мороженое окончательно растаяло, а глаза усердно слипались. Она отправилась в домашнюю баню, хоть так и тянуло завалиться в постель, даже не раздеваясь.

– Экс-Ти, на два градуса теплее, чем обычно.

Пожалуй, пятнадцать минут массажа не помешают. Мила растянулась на теплом камне в центре помещения, поток воды обрушился на спину, и мягкие манипуляторы принялись усердно тереть ей спину, пока не окутали белыми облаками ароматной пены.

Раскрасневшаяся и обновленная Мила вошла в спальню, следом едва поспевав «домашний салон». Фен сушил волосы, механические лапки наносили крем и нежно втирали его в тело. Мила плюхнулась в кресло, педикюрница и маникюрница тут же приступили к своим обязанностям. Аппарат наложил питательную маску, и лицо стало чуть-чуть пощипывать от слабых токов, ускоряющих процесс обогащения кожи питательными веществами.

Бабушка всегда куда-то торопилась, поэтому прихорашивалась, а иной раз и ела на ходу. Теперь ее салоном красоты пользовалась внучка. Сентиментальность не позволяла ей расстаться со всеми этими устаревшими приспособлениями, комплектующие к которым становилось все труднее разыскать и приобрести. Мила вздохнула, припомнив, как девочкой прыгала вокруг бабушки, собиравшейся на работу. Какой же энергичной и красивой женщиной она

была! Миле достались ее волнистые каштановые волосы и бархатные глаза цвета молочного шоколада. Телосложением она пошла в мать, а характером – в отца. От всех взяла понемножку.

Наконец, растянувшись в постели, Мила проворчала:

– Экс-Ти, стандартная ночная процедура.

И компьютер приступил к блокированию дверей, окон, поставил дом на охрану, установил более прохладную ночную температуру воздуха в спальне и погасил свет.

– Умница, – оценила его старания Мила.

Прошло полчаса, но сон так и не пришел.

– Вот так всегда, весь вечер просто с ног валишься, кажется, что уснешь на ходу, а только доберешься до постели – от сонливости и следа не осталось.

Подумав, она заказала старинную мелодраму, и по потолку поплыли титры. Но фильм не только не доставил удовольствия, напротив, разбередил душевные раны. Не стоило смотреть кино о любви. Мила растерла по щекам слезы, потребовала выключить злополучную мелодраму и сделать потолок прозрачным. Звезды заглянули к ней в спальню.

– Привет, – прошептала Мила и помахала им рукой.

Конечно, они не ответили, просто смотрели с немыслимой высоты.

* * *

«Что я делаю?!» – Мила поднималась по ступеням Центра «Счастливая семья». Отступать, проделав такой путь до Никты, казалось нелепым. Последней возможностью для этого было развернуться у стеклянных дверей, но фотоэлемент уже отреагировал на приближение посетителя и створки разъехались. Девушка за конторкой, одарила потенциальную клиентку жизнерадостной улыбкой и подалась вперед – того и гляди выпрыгнет из-за своего заграждения, – выказывая готовность ответить на любые вопросы. Внимание и доброжелательность во плоти.

– Добрый день! Приветствую вас в нашем Центре. Чем могу помочь?

– Э... Здравствуйте. Я бы хотела посетить клуб знакомств.

– Пройдите, пожалуйста, на второй этаж в офис двести пятнадцать. Там вас ожидает психолог, он определит ваш социотип, чтобы наиболее эффективно подобрать для вас вторую половину. Кроме того, совершенно бесплатно, вы пройдете медицинское тестирование!

«Только этого не хватало», – с досадой подумала Мила, но заставила себя вежливо улыбнуться девушке и, кивком поблагодарив ее, направилась к лестнице.

Ступеньки, блиставшие чистотой, тихонько ползли вверх. Мила остановилась перед ними, в последней надежде отступить, но тут, откуда ни возьмись, выскочил еще один работник Центра и предложил проводить ее до офиса.

Мила отказалась и ступила на лестницу.

В кабинете к ней тут же прицепили десятки датчиков. Чтобы клиент не тратил свое драгоценное время, беседа с психологом проводилась одновременно с медицинским обследованием. Невзрачный, маленький человечек долго мучил ее всевозможными вопросами, а вокруг что-то гудело, щелкало и рисовало диаграммы. Анализ крови окончательно расстроил Милу.

Они бы еще прививки какие-нибудь сделали!

Компьютеры уже обрабатывали данные, упорядоченная суэта вокруг прекратилась и под мерное гудение приборов Мила задремала.

– Благодарю вас за то, что обратились в наш центр, мы позвоним вам, как только у нас появится мужчина вашей мечты, – сказал психолог, пожимая на прощанье руку клиентки и провожая ее до двери.

– Пфффууу, – выдохнула Мила, вырвавшись наконец из офиса. В этом выразилось все: досада на себя, раздражение из-за бессмысленной беседы и каких-то манипуляций с ее телом,

нежелание когда-либо еще переступать порог этого здания и, конечно же, абсолютное неверие в успех безумного предприятия.

Мила быстро шла к выходу, когда ее окликнула все та же улыбчивая офис-менеджер.

– Простите, пожалуйста, я хотела бы вам предложить наши последние каталоги.

– Благодарю, у меня уже есть, – еле сдерживаясь, ответила Мила.

– Это сегодняшние, – несколько расстроилась девушка.

«За что я с ней так? – одернула себя Мила. – Она всего лишь делает свою работу».

С целой кипой разноцветных журналов, донельзя раздосадованная, Мила, наконец, выбралась на улицу. Но злоключения и не думали заканчиваться. На ступеньках пирамидального основания здания «Киберлайф» на нее налетел какой-то тип. Каталоги цветным фейерверком взмыли в воздух.

– О, простите меня! – воскликнул он, помогая ей подняться.

Мужчина отряхнул ее одежду от несуществующей пыли и начал лихорадочно собирать рассыпавшиеся журналы. Все произошло настолько быстро, что Мила только теперь смогла как следует рассмотреть незнакомца. Это был высокий, худощавый брюнет; если бы они стояли рядом на одной ступеньке, ей пришлось бы заирать голову, чтобы взглянуть ему в лицо.

– Простите, простите меня, – продолжал бормотать мужчина. Он протянул ей каталоги, их взгляды встретились, и Мила отметила, что у незнакомца удивительно темные глаза, почти черные. Выражение его смуглого, вытянутого лица было в этот момент таким скорбным и несчастным, что Мила просто не могла сердиться.

– Вы прощены, – улыбнулась она и взяла каталоги.

– Это знак, – прошептал брюнет.

– Простите, я не расслышала, что вы сказали.

– Я... видите ли... э-э... – Он запнулся и с неожиданной мольбой посмотрел ей в глаза. – Мне нужно с кем-нибудь поговорить. Вы не могли бы побыть со мной немного?

– Но...

Ей хотелось сказать, что на втором этаже в офисе двести пятнадцать сидит психолог, который с профессиональным интересом выслушает любого, но вопреки всем своим убеждениям она согласилась.

Пожав плечами, она сказала:

– У меня есть пятнадцать минут.

Они молча спустились на площадь Прогресса. Незнакомец осмотрелся по сторонам и, слегка сконфузившись, кивнул в сторону окон арабского кафе под голографической вывеской «Земзем».

Внутри оказалось тихо и уютно. Устроившись за маленьким столиком, они по очереди заказали зеленый чай с миндальным печеньем. Мила заметила это совпадение вкусов и улыбнулась.

Мужчина долго молчал, видимо, обдумывая, с чего начать разговор.

Она облегчила ему задачу.

– Как вас зовут?

– Простите... еще одна оплошность... – Он нервно рассмеялся. – Рихард. Рихард Сваровски, специалист в области спутниковой связи.

– Камилла Левитская. Я – домохозяйка. Немного подрабатываю цветоводством.

Произнести девичью фамилию, которую она вернула после развода, оказалось приятно. Будто бы не было неудачного брака, и жизнь начинается с чистого листа.

– Вот мы и познакомились, – усмехнулся Рихард и опять задумался. Пауза становилась тягостной, и Мила вновь попыталась подтолкнуть незадачливого собеседника к разговору:

– Мне показалось – там, на лестнице, – что вы чем-то очень расстроены.

Рихард опустил взгляд, внимательно посмотрел на подставку с салфетками. В течение нескольких секунд внутренняя борьба отражалась на его лице, и было в этом что-то мальчишеское. Покусав губы, он заговорил:

– Видите ли, месяц назад я стал клиентом центра «Счастливая семья». За это время меня трижды приглашали на собеседования. Трижды я приходил с надеждой, что вот-вот в моей жизни появится человек, с которым можно будет поделиться мечтами...

«Мечтами, – мысленно повторила Мила. – Да уж, на этом топливе далеко не уедешь». Она кивнула роботу-официанту, который умело сервировал стол, и тот мгновенно удалился, пожелав гостям приятного аппетита. Рихард, похоже, вовсе его не заметил и продолжал рассказывать:

– Столько разных мыслей накопилось за последние годы. И вот, наконец, я решился. Но всякий раз, когда я приходил в Центр, мне вежливо улыбались и предлагали явиться на следующей неделе. Некоторые мои знакомые уже давно нашли себе пару с помощью специалистов «Семьи». Они зовут меня в гости, но я не хожу к ним... Прежде у меня было много забот о моей больной сестре, это занимало все свободное время. К тому же организованное сватовство я всегда считал делом сомнительным. Знаете ли, доверять свои личные проблемы посторонним – не в моих принципах. Простите, что все это вам говорю...

Миндальное печенье оказалось очень вкусным, и Мила решила, что если Рихард не проявит к нему интерес, то она, пожалуй, съест его порцию.

– В какой-то момент, – продолжал Рихард, – мне стало казаться, будто в мире происходит нечто странное... Куда-то исчезают одинокие люди. Наверное, это связано с развитием биоконвертики и работой Новой Системы. Быть может, все те, кто еще не нашел себе пару, уехали далеко или заперлись в домах и никуда не выходят. Порой мне даже кажется, что я единственный человек в мире, который до сих пор неприкаян. Эти мысли стали настолько тягостными, что я решился на имплантацию искусственного настроения. Поставлю подпись, внесу оплату – и будь, что будет... Пусть хоть степень оптимизма повышают, хоть память моделируют – теперь ведь это, кажется, разрешено...

Мила наклонилась, попыталась заглянуть Рихарду в глаза.

– Но позвольте! Каким же должно быть ваше отчаяние, чтобы согласиться на подобное?... Ведь имплантация частично превратит вас в машину!

– Для мужчины я покажусь вам слишком сентиментальным. Я знаю это. Но мне уже все равно, лишь бы избавиться от этой вечной, гнетущей тоски. Сегодня я пришел с окончательным решением подписать договор на имплантацию. Я так волновался, что даже не помню, как очутился в том месте, где мы с вами столкнулись. Знаете ли, просто какой-то провал в памяти. Но стоило только мне увидеть вас... – Он быстро вскинул взгляд и снова опустил. – Мне подумалось, что вдруг... мало ли? Может, это какой-то знак? Может не стоит падать духом и всецело доверяться кибернетике?

– Конечно, нет, ни в коем случае! Это ведь так ужасно – быть марионеткой компьютерного мозга, управляющего вживленными биосиверами! – Она спохватилась и почувствовала, что краснеет. – Простите! Что я болтаю? Не слушайте меня, я не вправе вмешиваться и оспаривать чужие решения. К тому же, наверно, я старомодна.

– Нет, прошу вас, говорите! – Он схватил ее за руку. – Я... я внезапно почувствовал, что многое может зависеть от вашего мнения. Да-да, я действительно шел на процедуру, когда встретил вас. Неожиданно мне показалось, что препятствие на пути – это знак не совершать... о, простите! препятствие – неудачное слово...

– Все в порядке, – заверила она и посмотрела в сторону, чтобы не видеть его побледневшего, взволнованного лица.

– Я, наверное, должен вам рассказать...

– Нет, это не обязательно. – Мила начала жалеть, что не отправила мужчину к специалисту по душевным болезням.

– Не хочу, чтобы вы приняли меня за помешанного. Мне тридцать четыре, и я никогда не был женат. Всю жизнь посвятил больной сестре, не мог сдать Миранду в клинику и забыть о ее существовании. Согласитесь, вряд ли моей жене, если бы я решился жениться, понравилось бы соседство душевнобольной. Миранда иногда рассуждала вполне здраво, но, несомненно, была далека от реальности. Два месяца назад ее не стало. Несчастный случай.

Мила не знала, что сказать. Ей хотелось молча сочувственно покивать и уйти, не оглядываясь. Но вдруг ее осенило:

– Скажите, Рихард, вы любили сестру? Я имею в виду, как брат, как человек преисполненный сочувствия, ответственный и заботливый.

– Да, безусловно, – прошептал он.

– Почему же вы хотите забыть ее? То, что случилось, принесло вам много горя, много боли, но благодаря существованию Миранды вы стали тем, кто вы есть.

Рихард вздрогнул.

– Вы правы. – Голос его зазвучал спокойно. – Не иначе как судьба послала мне вас. Спасибо, огромное вам спасибо за то, что не отказались выслушать. Вы меня выручили.

Она с облегчением вздохнула.

– Ну, что вы. Я стала бы преступницей, отказавшись, ведь это могло бы привести человека к потере личности. Поверьте, мы не так уж беспомощны, мы способны справиться с горем. Я искренне за вас рада, рада, что оказалась на вашем пути.

– Я тоже. – Он посмотрел на нее с благодарностью. – Позвольте, я вам позвоню.

– Да, конечно, – кивнула Мила, несясь на волне хорошего настроения: ведь она спасла человека!

И он позвонил. Они долго беседовали о приятных пустяках, о любимых книгах и фильмах. Рихард оказался человеком эрудированным и, при этом, не был интеллектуальным снобом. Мила не чувствовала с ним неловкости, так как он с уважением относился к ее интересам и не пытался вторгаться в личное пространство. Оказалось совершенно естественным пригласить Рихарда в гости, чтобы показать цветник и домашнюю лабораторию. Мила чувствовала некоторую ответственность за дальнейшую судьбу этого человека, и это не было чем-то из ряда благотворительности. К тому же, оказалось приятно иметь друга из плоти и крови.

Сетевой треп на форумах даже в режиме он-лайн не мог заменить живое общение. Мила поняла, что успела позабыть каким прекрасным кажется вечернее небо, когда чья-то рука держит твою. Закат. Один на двоих.

Ей не хотелось, чтобы Рихард уходил, но нелепые представления о том, что не следует позволять лишнего на первом свидании, взяли на себя роль благоразумия. Словно почувствовав ее настроение, гость попрощался и ушел, когда на небе появились первые звезды. Щемящее чувство тоски соседствовало тогда с предвкушением чего-то необыкновенного и волшебного, хоть всем известно, что в старой, как мир, любви уже давно нет новизны.

Мила не желала признаваться себе в том, что она – взрослая, умудренная опытом женщина, – влюбилась, как наивная девочка. Она подошла к зеркалу, словно оно способно было отразить ее внутреннее состояние, и критически себя осмотрела. Приглашая Рихарда в гости, Мила тайно бросала ему вызов: никакого макияжа (это не свидание), одежда – рабочий комбинезон (осматривать будет грядки, а не женские формы), еда из ближайшей забегаловки (ненавижу готовить) и ни малейшего кокетства (я, конечно, женщина одинокая, но на каждого встречного не кидаюсь).

Она не заметила на лице гостя ни малейшего следа недовольства ее внешним видом, манерой поведения или чем бы то ни было еще. Либо он невероятно воспитанный и терпели-

вый человек, либо, действительно, принимает меня такой, какая я есть. Невероятно! Проще сослаться на первое, потому что обмануться во втором... Слишком часто обманываться вредно – можно превратиться в циничного скептика.

Окончательно и бесповоротно Рихард сразил ее, когда расстелил покрывало на лужайке и принялся раскладывать на нем нехитрое угощение, доставленное разносчиком. Затем он подал ей руку так, словно Мила была королевой, а не замарашкой в рабочем комбинезоне. Именно в ту минуту она почувствовала себя глупой и, более того, трусливой. Рихард не заметил защитных укреплений, которые она так старательно выстраивала, проник бесплотным духом в святая святых ее крепости – в самое сердце. Была во всем этом какая-то вопиющая несправедливость и вместе с тем сладость поражения и желание отдать больше, чем в данный момент просит завоеватель. Главное, чтобы он об этом не знал.

Мила долго смотрела вслед улетевшей авиетке, пока та не влилась в общий поток и не превратилась в один из сотен огоньков, что вереницами плыли в ночном небе по заданным маршрутам. Женщина зябко поежилась – вначале от вечерней прохлады, а затем, – увидев в окне силуэт соседки. «Теперь не избежать расспросов», – с тоской подумала Мила. После «безумного чаепития» госпожа Бурцева внесла ее в список лучших подруг и стала навещаться в гости в три раза чаще. Минутная слабость и потакание собственному любопытству обошлись дорого.

Мила очень надеялась, что ее уход с лужайки не выглядел как поспешное бегство. Нарочито медленно прикрыв входную дверь, она прислонилась к ней спиной и прислушалась. По вечерам Мила часто просила Экс-Ти включать трансляцию внешних звуков, чтобы наслаждаться стрекотанием цикад и трелями птиц. Сейчас она боялась различить среди этих любимых звуков шаги Бурцевой. Меньше всего ей хотелось обсуждать своего гостя, приход которого, наверняка, не остался незамеченным, впрочем, как и уход. В особенности то обстоятельство, что Мила долго стояла на улице и тоскливо смотрела на удаляющуюся авиетку. Чёрт! Она идет! Поэзия вечера грозила перетечь в мрачную прозу.

Мила велела Экс-Ти погасить свет и на цыпочках – в чем не было ни малейшей необходимости, так как внутренних звуков дом наружу не транслировал, – прокралась к дивану и тихонечко на него присела. Бурцева остановилась перед входной дверью в раздумьях, а через некоторое время Мила различила звук удаляющихся шагов. «Избежать разговора не удастся, но, по крайней мере, он состоится не сегодня», – подумала она. Мила не готова была обсуждать Рихарда, их взаимоотношения и что бы то ни было вообще. У нее в душе царил сумбур. Только теперь сообразила – они не договорились о следующей встрече, и он даже не упомянул о том, что позвонит.

«Ах, если бы какая-нибудь случайность помешала ему уехать или заставила вернуться, – подумала она и горько усмехнулась. – Ну, какая может быть случайность?» Если бы сломалась авиетка (представим себе такую нелепость), то к услугам граждан имеется такси. Если бы Рихард что-то у меня забыл, то моментально явился бы курьер. «Этот мир не оставляет мне ни малейшего шанса заполучить мужчину, не потеряв при этом лицо! – раздосадовано подумала Мила и усмехнулась. – Не надо было его отпускать, ведь он хотел остаться, это было понятно без слов. Если бы Рихард вернулся, то это было бы что-то вроде второго свидания. Ну, чем я занимаюсь?! Морочу голову самой себе. Даже не подозревала, что я настолько погрязла в комплексах и предрассудках».

Она откинулась на диванные подушки, издав протяжный вздох.

Легкий гул авиетки, идущей на посадку, заставил Милу вздрогнуть.

Шаги.

Быстрые энергичные шаги по плиткам дорожки. Сердце заколотилось в груди так, что стало трудно дышать. Мила поднялась с дивана и подбежала к двери. Она глубоко вдохнула, как перед прыжком в воду. Шаги на ступеньках. Мила распахнула дверь и оказалась нос к носу

с Рихардом. Оба выглядели так, словно отыскивали и распаковали припрятанный родителями подарок: восторг и легкий испуг.

Глава 2

Ремо хотел спать. Даже баснословный гонорар, выплаченный за участие в передаче, уже не казался ему веским аргументом для того, чтобы подниматься в шесть утра и ехать к семи в студию. Он сидел в гримерной перед зеркалом, в котором отражалось юное лицо, – настоящее произведение искусства пластической хирургии, – чужое лицо, к которому он долго привыкал. Ремо смотрел на себя и чувствовал, что никакое омоложение не способно стереть с его души патину прожитых лет. Раннее пробуждение всегда ввергало его в состояние меланхолии, нагоняло тоскливые мысли, как ветер тучи в непогоду, а ведь ему надлежало сверкать и заряжать окружающих радостью. Да только новостной блок на главном правительственном канале – не место для веселья. На кой сдался эстрадный певец программе «Пульс Терры-три»? Конечно, он знал ответ. Ремо с тоской пробежал глазами по заготовленному для него тексту выступления. Замусоленная, затертая до дыр тема о замороженных землянах всем набила оскомину еще пятьдесят лет назад. Но что поделаешь, если в этом болоте не происходит ничего интересного.

Зазвучал сигнал вызова – пора было идти в студию. Ремо поднялся, взглянул на свое отражение в зеркале в полный рост. Безупречно. Если бы не противная ноющая боль, что угнездилась в его теле, все было бы просто идеально. «Это все нервы, – подумал он, – переутомление, недосып. Послать бы куда подальше!..»

Дверь отъехала в сторону, и на пороге возник Жуль с легкой укоризной во взгляде. Иногда Ремо казалось, что его агент, слегка похожий на пупса, умеет читать мысли. Конечно это было не так, но проведя бок о бок столько времени, только ленивый не научился бы догадываться о чем думает партнер.

– Драгоценный ты мой!.. – Жуль пришел, чтобы его поторопить. – Это серьезная передача и...

– И серьезные люди, – закончил за него фразу Ремо. – А что может быть скучнее серьезных людей? Я теряюсь в догадках: они такие, потому что появились на свет без чувства юмора или статус «человека серьезного» так плохо на них влияет? Хорошо-хорошо, – отмахнулся Ремо от увещаний Жуля, которые знал наизусть.

Он вышел на площадку, едва утих голос ведущего: «Сегодня у программы “Пульс Терры-три” особый гость: любимец публики знаменитый Ремо!» Зал принялся рукоплескать, но как-то лениво, без энтузиазма. Да нет, показалось. Аплодисменты в его честь звучали энергичней и слаженней, чем при появлении ученых и политиков. «Получасовое занудство обеспечено, – подумал Ремо. – Только бы не заснуть». Он лучезарно улыбнулся в объектив подлетевающей почти вплотную камеры.

В студии, несмотря на ранний час, было полно зрителей. Ремо любил публику, она его вдохновляла. Ему даже захотелось что-нибудь спеть, подарить людям радость не только созерцать его персону. Для участия в программе он выбрал белый с серебристыми вставками костюм, идеально облегавший тело – такой же товар, как и голос. Но на фоне унылой серости его самый скромный наряд выглядел кричащим. Как только Ремо устроился в кресле рядом с другими участниками, ведущий заговорил:

– Наша передача приурочена к знаменательному событию в истории Терры-три: завершению демонтажа холодильных комплексов, где на протяжении ста двенадцати лет хранились тела тысяч землян, пораженных болезнью Топоса.

«Ах вот оно что, – подумал Ремо. – Наверняка Жуль говорил мне об этом».

– Полтора года назад, как вы помните, мы отпраздновали пробуждение последнего из замороженных. Сегодня нам предстоит вспомнить главные вехи ушедшего столетия. Я предоставляю слово доктору экономических наук Эрику Торнтону.

Заговорил полноватый мужчина, по мнению Ремо, форменный зануда.

– Хранение тел было долгой головной болью Терры-три: конвенция ООН запрещала уничтожать или размораживать их до тех пор, пока не будет изобретено эффективное средство лечения. И оно было найдено еще сорок лет назад. Однако тут возникла новая проблема. Из двадцати пробужденных пробной группы у двенадцати оказались критические повреждения коры головного мозга – последствия третьей стадии болезни Топоса, – семеро покончили жизнь самоубийством из-за проблем с адаптацией. Тогда административный союз во главе с президентом Вулем, на основании конвенции ООН о правах человека от 2156 года, решил применить к замороженным гуманный метод имплантации искусственного настроения.

«Лекция по истории с утра пораньше! – с раздражением подумал Ремо. – Я убью Жуля». Он отыскал в зале своего агента, чтобы испепелить его взглядом. В такую рань вышло плохо. Подавив зевок, Ремо поерзал в кресле.

– Да, это было единственно возможное решение проблемы, – вклинился ведущий.

Проныра Жуль отлично знал, как чувствует себя Ремо в семь утра, поэтому распорядился, чтобы певцу принесли кофе. Много крепкого кофе, никакого сахара, никаких сливок, никакого печенья, тем паче пирожных. Возле кресла остановился мини-буфет модели Сиприм, уже запрограммированный подать то, что любит знаменитость. «Если растянуть удовольствие – пить медленно, – подумалось Ремо, – то не так тягостно будет слушать все это в миллион первый раз».

Ведущий объявил какого-то профессора медицины с трудно произносимой фамилией.

– К тому времени, когда кабинетом президента Вуля было принято судьбоносное решение, наука уже далеко продвинулась в области биокибернетики, – начал новый докладчик, – базируясь на разработках проводившихся в рамках программ сердечной и мозговой имплантологии. Ученые признали, что самым простым, экономически выгодным и удобным является метод хирургической имплантации биосиверов, возможности которого оказались неизмеримо шире по сравнению с другими целевыми аналогами, а современная хирургия позволила упростить процедуру имплантации, превратив ее в обычный укол. На государственные инвестиции была создана корпорация Киберлайф. Врачи с инженерами разработали универсальный искусственный интеллект Энтеррон. Он был призван посредством биосивера компенсировать работу участков коры головного мозга, разрушенных болезнью Топоса. Прежде чем приступить к массовой разморозке землян, технологию испытали на преступниках, пожизненно заключенных в исправительных колониях восточных регионов. Эти люди сделали правильный выбор. Полученные результаты превзошли ожидания.

– Да-да! – воскликнул ведущий. – Наш великолепный Ремо давал благотворительные концерты, средства от которых были направлены на улучшение условий содержания преступников. Он посещал колонии и собственными глазами видел, как менялись эти люди после инвазии.

Ремо скрипнул зубами – какой хамский намек на возраст! – но взяв себя в руки, сказал то, что было предписано:

– Те, кто прошел процедуру вживления биосивера, стали примерами для общества. Бывшие преступники превратились в людей, способных к проявлению высших, тончайших эмоций, к пониманию прекрасного; на смену внутренней противоречивости и бесформенности желаний пришли целеустремленность и уравновешенность.

– Не удивительно, что традиционные формы перевоспитания правонарушителей утратили свое значение, – сказал ведущий и пригласил очередного участника произнести вызубренную речь.

– Когда-то, веке в двадцатом, научные эксперименты, связанные с воздействием на сознание человека, считались антигуманными. Но Страшные Времена давно миновали. Новая конвенция ООН о правах человека позволила использовать биокибернетику и дальнodelствующие

стимосиверы, послужившие прототипом для создания биосиверов, для коррекции психического здоровья. В свою очередь представления о душевном здоровье человека стали другими.

Кофе закончился, и Ремо рассеянно разглядывал осадок на дне кружки. «Черт! – подумал он. – Похоже на Башню Правительства. Нет, больше на фаллос».

А передача все тянулась и тянулась.

Ремо наклонился к журнальному столику и, пробежав пальцами по сенсорам, вызвал мини-буфет. Си-прим подкатил ровно через двадцать секунд. Все это время Ремо смотрел на таймер и совершенно не слушал докладчика. Заполучив минеральную воду, он наполнил стакан, стенки которого тут же запотели, и с наслаждением сделал первый глоток. Потому что нет ничего лучше первого соприкосновения с тем, чего жаждал.

– После прений, длившихся около года, и подписания целого ряда соглашений административный союз принял закон «О праве граждан на имплантацию искусственного настроения», – бубнил очередной докладчик. – Была утверждена программа, в которую включили, наряду с реабилитацией преступников и адаптацией «замороженных», ряд социальных проектов. Киберлайф получил новые денежные вливания, и на этот раз они на порядок превышали предшествующие. На ученых возложили выполнение сразу нескольких государственных программ. Это ознаменовало начало работы Новой Системы администрирования, правопорядка, управления персоналом и социальных отношений.

Как только передача закончилась, Ремо вскочил и первым припустил к выходу, по рассеянности прихватив стакан с водой. Но дорогу ему преградил один из участников программы, оказавшийся не менее расторопным. Хоть убейте, Ремо не помнил, кто этот человек в унылом костюме и с постной физиономией.

– Я никогда не был вашим поклонником, – заявил он и как-то сразу стал еще менее симпатичен, – но вы очень популярны. Вам следовало бы эффективнее пользоваться этим. Я слышал, вы неоднократно отказывались баллотироваться на политические посты, хоть имели все шансы обойти соперников, причем с большим перевесом в голосах избирателей.

– Да, это так, – согласился Ремо и сделал попытку распрощаться, но неприятный собеседник и не думал так легко его отпускать.

– Вы завоевали сердца обширной аудитории, стоило бы обратиться и к разуму людей, а для этого нужен более серьезный репертуар. Тексты ваших песен, мягко говоря, это какие-то глупые стишки про любовь блямблямчиков и цурипопиков. В них же нет ни-че-го, ну ровным счетом НИЧЕГО! Никакой проблематики, никакой идеи!..

Ремо не выносил, просто ненавидел слово “серьезный”, но еще более он терпеть не мог людей, ничего не смысливших в любви. Его рука со стаканом воды почти самопроизвольно дернулась, и в следующий миг он с глубочайшим удовлетворением созерцал мокрую физиономию опешившего и наконец-то заткнувшегося политика.

Студия взорвалась овациями. Руководство канала должно было взвизгнуть, представив себе до каких высот взлетит рейтинг программы.

Ремо обернулся. К нему с невероятной прытью несся Жуль на своих коротеньких ножках, поблескивая бисеринками пота на затылке. Передав ему стакан и предоставив улаживать ситуацию, Ремо с улыбкой поклонился благодарной публике и с высоко поднятой головой покинул студию.

На левой руке завибрировал браслет-мини-комп – пришло сообщение. Немногие имели доступ к этому каналу связи. «Если кофейный осадок не врет...» – подумал Ремо. Увы, это было всего лишь приглашение на банкет хоть и от старинного друга, ныне шеф-оператора двенадцатого региона Фридриха Ганфа. И самое неприятное, все по тому же поводу: завершение демонтажа холодильных комплексов.

* * *

– Надо же, как бывает! – восторженно прошептала Бурцева, когда Мила окончила рассказывать историю знакомства с Рихардом.

Добрососедские отношения как-то сами собой упрочились. Произошло это после того, как Рихард переехал к Миле. Он оказал господину Бурцеву небольшую услугу: помог починить поливальную систему. В честь этого события Татьяна устроила праздничный ужин.

Мила от души рассмеялась – ей было легко и празднично. Она посмотрела в сторону сада. Там, на каменистой площадке между кустом барбариса и живой оградой из вяза Рихард и Руслан на раскладном мангале готовили барбекю из сочного террионского осетроида.

Дети Бурцевых играли на газоне; играли мирно, безмятежно – ни в клумбу не влезут, ни от родительских глаз не спрячутся, и Мила даже удивлялась, как это Бурцевой удается добиваться от них такого послушания. Но спрашивать ей не хотелось: во всем была такая удивительная гармония, такое всепоглощающее счастье, что Мила просто откинулась на шезлонге и, подставив лицо вечернему солнцу, в блаженстве закрыла глаза и глубоко вздохнула.

– Так вы вместе уже...

– Полгода. Точнее шесть месяцев одну неделю и три дня. И честно должна признаться: я никогда не была так счастлива. Я и Рихард – мы понимаем друг друга с полуслова. Он – редкий мужчина. Мой Рихард заботливый, внимательный, с ним можно поговорить о чем угодно.

– Как прекрасно!

– Удивительное дело, из этого центра мне так ни разу и не позвонили. Должно быть, продолжают бесплодные поиски моей половины и не знают, что я ее уже нашла, – рассмеялась Мила.

– А о вашем бывшем ничего не слышно?

– Он уехал куда-то далеко. Кажется в шестой регион. Работает по выгодному контракту. – Мила мысленно отмахнулась от всплывшего в памяти образа, как от назойливой мухи.

Болтовня о всяких пустяках продолжалась, пока мужчины не позвали их к столу. Хоть болтовня это громко сказано, говорила в основном Татьяна, потому что речь зашла о детях. Стоило коснуться какой-нибудь животрепещущей для нее темы, дальше можно было спокойно помалкивать и даже не особенно прислушиваться. В такие моменты Мила погружалась в созерцание Рихарда. Ей нравилось в нем абсолютно все: как он слегка наклоняет голову набок, рассматривая что-то, как двигается, улыбается.

Рыба получилась замечательной, и шардене, которое выбрал Рихардом, было нежным и легким, и очень шло к этому волшебному майскому вечеру.

Бурцевы были милы и разговорчивы, дети ели за соседним столиком и не создавали проблем. Вечеринка удалась.

А поздно вечером, когда гости попрощались и пошли спать, они остались с Рихардом вдвоем, и Мила совершила феерический полет среди звезд, которые были так недостижимы прежде, теми одинокими ночами, когда она смотрела на них сквозь прозрачный потолок.

Иной раз они не спешили в постель, а сидели в беседке, слушая песни сверчков, ни о чем не говоря, просто держась за руки. О, как же ей нравились эти вечера, эти прекрасные теплые ночи и волшебные утренние пробуждения! Мила все чаще начинала подумывать, что с таким мужчиной не страшно заводить детей, тем более что, кажется, и он об этом мечтает. Между прочим, она невольно стала обращать внимание на то, что все телеканалы трубят о снижении рождаемости. Ее так и подмывало узнать мнение Рихарда на этот счет, и однажды она, спросила. В ответ он привлек ее к себе, посмотрел черными, как бездна, глазами и нежно поцеловал.

И вот, когда идиллия их совместной жизни стала казаться единственно возможным способом существования в этом лучшем из миров, появился Дэн.

Вероятно, он приехал прямо из аэропорта, причем изрядно подвыпивший для храбрости, в надежде... На что? Возможно, снова собирался уговаривать ее вернуться, попытаться наладить отношения.

Увидев Рихарда, сидящего с газетой на диване, Дэн побледнел. Мила слишком хорошо помнила, что обычно за этим следовало, но ей в голову не могло прийти, что бывший муж поведет себя таким образом. Он чуть ли не с порога накинулся на Рихарда, требуя, чтобы тот проваливал из его дома. Разумные доводы и упоминания о том, что на самом деле коттедж принадлежит Миле, а раньше принадлежал ее родителям, не подействовали. Даже на факт развода бывший муж не обратил никакого внимания. Когда Мила поняла, что расстаться мирно не получится, она выкрикнула:

– Экс-Ти, код ноль-один!

Но даже вызов полиции не образумил Дэна, скорее подтолкнул к решительным действиям. Рихард только защищался. «Стол, кресло, мамин сервиз», – словно косточки на счетах откладывала Мила, подсчитывая ущерб. Разнимать мужчин она даже не пыталась – сработал инстинкт самосохранения. Мила прижалась к стене и в ужасе вскрикивала всякий раз, когда что-то с грохотом разбивалось. Закончилось все быстро: приехала полиция. При Новой Системе она стала работать неимоверно быстро. Но Дэн успел напоследок ткнуть Рихарда в челюсть так, что тот упал и стукнулся головой об угол стола.

Мила закричала. Если бы не присутствие посторонних – неизвестно, чем бы все закончилось. Полицейские скрутили и увели буяна. Старший инспектор скинул на сервер отделения видеозапись инцидента, что немедленно запустило судебный процесс.

Рихард пришел в сознание, но пребывал в ступоре, оглядывая окружающих странным взглядом. В момент, когда он открыл глаза и увидел над собой плачущую Милу, на его лице отразились испуг, а следом непонимание, затем все поглотила маска безразличия. Такого выражения на лице Рихарда она ни разу не видела, и ей сделалось страшно.

Спустя несколько минут прилетела авиетка с медицинской бригадой. Рихард по-прежнему не реагировал на окружающее – смотрел в потолок и молчал. Врач проверил реакцию зрачков на свет и спросил: «Как ваше имя?» Рихард перевел на него тусклый взгляд, губы разомкнулись: «Айййв...» – Едва различимый звук слился с выдохом.

– Ему больно! – всхлипнула Мила. – Его зовут Рихард. Рихард Сваровски.

В больнице констатировали сотрясение мозга. Рихард остался лежать в палате, прикрыв глаза, безучастный ко всему. Когда закончилось время посещений, Милу вежливо попросили покинуть отделение и предложили прийти завтра.

Она прилетела домой, вышла из авиетки и, ломая пальцы, долго стояла посреди лужайки, борясь с желанием вернуться в больницу.

На следующее утро Мила тихо рыдала на кухне, грызя носовой платок и проклиная Дэна. Термопакет с маковыми рулетами лежал перед ней на столе. Мила испекла их для Рихарда.

Только одно согревало ей душу: Дэн схлопотал срок. Миле с трудом верилось, что исправительные работы его образумят, но ее защитили власти, и это для нее оказалось важным.

Наплакавшись вдоволь, Мила встала из-за стола, сходила в ванную, привела себя в порядок и сказала:

– Экс-Ти, соедини с Рихардом.

Но Рихард не отвечал. Его миником сообщил, что «абонент наложил запрет на все вызовы». Что это могло означать?

Мила немедленно связалась с отделением больницы. Приятный женский голос сообщил ей, что Рихард Сваровски выписан еще вчера, и тут же отключился.

Вчера?

Мила заходила по комнате. Последние четыре с половиной месяца Рихард жил у нее и даже часть вещей перевез из своей маленькой квартирki в многоэтажном доме в центре, включая все самое необходимое. Почему он поздно вечером отправился к себе вместо того, чтобы позвонить ей и сообщить, что его выписали? Разве он мог так быстро выздороветь? Нет, что-то здесь не так!

«Мерзавец Дэн», – думала Мила. Да и сама она хороша. Почему все это время молчала, не рассказала Рихарду, что бывший муж ее по-прежнему преследует? Что же теперь делать?

Миником в квартире Рихарда тоже не отвечал. Можно было бы позвонить на работу, но Мила не знала номера. В Никте столько фирм по обеспечению спутниковой связи, что искать наугад было просто бессмысленно.

День она провела в тревоге, и постепенно напряжение, в котором находилась Мила, стало переходить в отчаяние.

Она попыталась поработать в цветнике, но, сломав две орхидеи, расплакалась и, зашвырнув лопатку и перчатки в ящик с инструментами, вернулась в дом. Приняв душ, Мила легла на кровать, включила головид и под его бормотание забылась беспокойным сном, а, когда проснулась, было пять часов вечера, и солнце било в окно.

На экране мелькала улыбающаяся физиономия Ремо. Он вскидывал руки, и зал вторил ему:

Я люблю вас больше жизни.
Каждый день влюбляюсь вновь.
Мои мысли – ваши мысли,
В двух сердцах – одна любовь.

– Экс-Ти, шторы, – скомандовала Мила. Голос от слез и сна охрип, и программа не признала его, поэтому команду пришлось повторить еще раз.

Поднявшись, Мила побрела на кухню, приготовила ужин, зажгла свечи, включила тихую музыку и занялась своим туалетом. «Рихард придет, – сказала она себе. – После работы он мог задержаться, снова слетать в больницу, например».

Мила уселась в кресло. В груди постепенно образовывался холодный ком, от которого было трудно дышать. Время текло медленно, стало невероятно вязким. Ужин давно остыл, свечи оплыли, а Мила сидела и смотрела на входную дверь.

Далеко за полночь дверь, будто бы вняв ее молитвам, распахнулась. Рихард вошел и мрачно посмотрел на Милу. Она поднялась ему навстречу, хотела заговорить, но слова застряли в горле.

Мужчина, стоявший перед ней, казался чужим. Он закрыл входную дверь и быстрым шагом приблизился. Внутри у Милы похолодело. Рот Рихарда был плотно сжат, скулы заострились, глаза смотрели презрительно. Рихард неторопливо запустил пальцы в ее волосы, крепко захватил их в кулак, приблизил ее лицо к своему.

– Ненавижу тебя, тварь! Если бы не твоя волчья тоска я был бы уже за тысячу километров от этого проклятого города.

Мила была потрясена и не верила своим ушам и глазам. Лицо вчерашнего любимого искажала злоба.

– Я не понимаю, Рихард, что происходит? – столбенея от ужаса, прошептала она.

– Я не Рихард! – прорычал он прямо ей в ухо. – Меня зовут Айвен Смит.

– Н-не понимаю... – Милу затрясло как в лихорадке.

– В наших черепках биосиверы! Вот, что происходит, тупая идиотка! Мы настроены друг на друга.

– Какие биосиверы? – Она попыталась вырваться, но крепкая рука Смита еще сильнее вцепилась в волосы. – Я не ставила никаких биосиверов...

Смит швырнул женщину на пол и присел перед ней на корточки. Он долго, не мигая, смотрел на нее и, наконец, сказал:

– У меня деловое предложение, подружка. Мне не следует светиться, иначе бы я непременно тебя прирезал. Ты забудешь о существовании Рихарда Сваровски. Ты никогда не станешь мечтать о его возвращении, как делала сегодня.

– Не понимаю... – снова прошептала Мила и тут же получила пощечину, от которой зазвенело в ушах.

Схватившись за щеку, женщина попыталась отползти подальше от ненормального.

– Ты спятил! – закричала она. – Я сейчас же вызову полицию!

– Ах ты, маленькая развратная дрянь! – Цепкие пальцы схватили ее за запястье. Вмиг лже-Рихард оказался сверху, опрокинув Милу на лопатки и прижав ее так, что она едва могла пошевелиться.

– Пусти... – задыхаясь, простонала она.

– Если ты попытаешься вызвать полицию, мне придется взять тебя в заложницы. Тогда твоя дальнейшая судьба будет зависеть только от случайности.

Мила хотела что-то сказать, но из груди вырвались только бессильные рыдания.

– Заткнись, – спокойно сказал он. – Или я снова ударю.

– Не надо... – Она прикусила губу. – Я не буду... Я только хочу уточнить... Насчет биосиверов...

Лже-Рихард подержал Милу еще с минуту, внимательно изучая ее чужим, холодным взглядом, от которого хотелось выть.

– Что ты хочешь знать? – наконец спросил он, отстраняясь.

Мила тут же забилась в дальний угол, схватила с пола пуфик и, прикрывшись им для надежности, проговорила:

– По возможности... все. Что именно произошло?

Лицо лже-Рихарда вновь перекосилось от ненависти, и Мила вся сжалась.

– Счастливая семья. – Смит встал, пересел в кресло.

– Что? – не поняла Мила.

– Центр «Счастливая семья». Помнишь его? – Смит закинул ногу на ногу, достал из кармана рубашки пачку сигарет, закурил.

– Ты ведь не куришь, – пробормотала Мила.

– Это твой Рихард не курил, – отозвался Смит. – Мой биосивер вот здесь. – Он постучал себя пальцем по лбу. – А о твоём мне мало что известно, кроме того, что он существует.

Первый шок Милы прошел, и она начала соображать лучше.

– Это началось после того, как ты ударился головой?

– Сообразительная. – Смит затушил сигарету о подлокотник кресла и сплюнул на пол.

Он посидел еще несколько секунд, словно размышляя, не лучше ли будет ее все-таки прикончить. Потом поднялся, погрозил пальцем, приложил его к губам, призывая к молчанию, и вдруг резким движением провел по горлу. Вышел он также быстро, как и вошел.

Мила некоторое время сидела на полу в обнимку с пуфиком. Ей все еще не верилось, что это не сон.

– Экс-Ти, запереть двери! – вскрикнула она, выйдя из оцепенения.

Бессмысленное действие, ведь Смит ушел. Он хотел уйти, уехать, исчезнуть из ее жизни, а она каким-то образом ему мешала.

– Проклятье! – прошептала Мила. – Как я вляпалась в это дерьмо?

Рухнула идиллия, как карточный домик. Такая красивая любовь просто не могла быть настоящей, такое понимание, предвосхищение желаний – просто считывание мыслей. Дорогое удовольствие, предоставленное даром... За какие спрашивается заслуги? Ох, нет, надо после обо всем этом подумать. Сейчас она просто посидит здесь и порыдает. А если этот дурацкий биосивер снова заработает и Смит придется возвратиться? Тогда он непременно ее прикончит.

Мила откинула пуфик, осторожно ощупала голову. Затем поднялась с пола, направилась к зеркалу.

– Экс-Ти! Звукоизоляцию на максимум! – на ходу сказала она. – Чтоб ты сдох, Смит! Чтоб тебя!.. Чтоб!..

Можно было пройти и на свой счет: «Дура! Идиотка! Понесло тебя личную жизнь устраивать!» Но поругать себя она еще успеет, а за пережитый испуг причиталось этому Смит. Да кто он вообще такой?! И куда более неприятный вопрос: «Почему он такой?» О вариантах ответа не хотелось даже думать.

Мила остановилась возле зеркала и, подобрав волосы, долго изучала свою голову и бормотала: «Не делала я ничего такого, не может этого быть». Звонок прервал это занятие, и ледяная волна ужаса вновь пробежала по телу.

– Выключить свет, – прошептала она. – Сделать входную дверь прозрачной.

Представшая картина не предвещала ничего хорошего. Смит еле стоял на подгибающихся, дрожащих ногах, упершись лбом в дверь и, не переставая, трезвонил.

– Отключить звукоизоляцию, – приказала Мила. – Я все тебе выскажу, засранец, через закрытую дверь.

Уверенным шагом приблизившись к разделявшей их преграде, Мила ощутила, что сама готова убить самозванца, и, расправившись с ним, отправиться крушить здание центра «Счастливая семья».

– Чего тебе?!

– Н-не д-думал, что так выйдет. Задыхаюсь...

– Какого черта ты вернулся?

– Я не смог уйти.

– Что ты мелешь? Ты собирался меня убить пять минут назад!

– Не знаю, что произошло... Короткое замыкание... Что-то там не так, в голове. Я хотел просто припугнуть тебя и уехать, но... М-м-м... Не могу дышать...

– Даже если у тебя случится сердечный приступ, я не открою, – предупредила Мила. – Мне психопаты в доме не нужны.

Мужчина бледнел на глазах. Что-то в нем напомнило того прежнего Рихарда, которого она когда-то встретила на лестнице «Счастливой семьи».

«Такое ведь не сыграешь», – подумала Мила. Действительно, зачем бы ему возвращаться? Поколебавшись немного, она снизошла до жалости к страдальцу, который вдруг лишился чувств. Мила с недоверием посмотрела на распростертое тело.

– Экс-Ти, просканируй посетителя, – сказала она.

– Необходима срочная медицинская помощь, – мгновенно отрапортовала машина. – Вызвать бригаду медиков?

– Нет! Стоп! Отменить! Я сама окажу ему помощь.

Мила с опаской приоткрыла дверь. Смит лежал неподвижно, и казалось, не дышал.

– Горе-маньяк, – прошипела она раздосадовано. Мила нагнулась и, схватив Смита за рубашку, с трудом заволокла его в дом.

Что же теперь? Не долго думая, она принесла несколько простыней и связала бывшего любовника. Удостоверившись, что вырваться Смит будет непросто, Мила сходила за аптечкой, достала нашатырь и сунула ему под нос.

Мужчина дернулся всем телом, открыл глаза, обвел помещение безумным взглядом и уставился на нее.

– Полицию вызвала? – хрипло осведомился он.

– Нет.

– Почему?

– Ты дорог мне, как память. – Мила улыбнулась.

– И что? Сделаешь из меня мумию?

– Размышляю над этим. – Она смаковала каждое слово, стараясь показать, что теперь настала ее очередь «восседать сверху» и уповая на то, что храбрость – это всего лишь умение бояться так, чтобы этого никто не заметил.

– Мне надо в туалет...

– Твои проблемы.

– Твой ковер, – Смит пожал плечами, насколько позволяли путы.

Мила не подала вида, что ее что-то беспокоит. На самом деле, она не знала, как поступить и не понимала, почему не вызвала полицию.

– Так мы ни к чему не придем. Ответь мне на один вопрос... Ты преступник?

Смит ухмыльнулся.

– Стало быть, ты связала меня для того, чтобы поглумиться? Меня этим не проймешь. Я ко всякому привык.

– Отвечай на мой вопрос! Ты преступник?

Он отрицательно мотнул головой:

– Нет, я не преступник. Я хочу уйти от тебя, но что-то не пускает. Ноги подкашиваются.

Мила недоверчиво фыркнула.

– Экс-Ти, датчики нервных импульсов, – сказала она.

– Какого же черта спрашиваешь, если мой ответ тебя не интересует, – проворчал Смит.

– И вывести диаграмму на экран. Ты уж не обессудь, Айвен Смит, – или как там тебя?

Оборудование у меня устаревшее, но работает исправно.

Мила закрепила датчики.

Смит покачал головой:

– Докатились. Теперь у них камера для допросов в каждом доме.

Мила удивленно подняла брови.

– Ты говоришь странные вещи, но, потратив немного сил и времени, мы во всем разберемся. Вот теперь побеседуем.

Смит больше не пугал ее. Она удобно устроилась на диване, приготовившись извлечь всю правду из человека, замotanного в простыни. Итак, первый вопрос.

– Кто такой Айвен Смит, и откуда он взялся?

– Это два вопроса. Айвен Смит – это я, и мне нужно в туалет.

– Я давно собиралась избавиться от этого ковра, он мне поднадоел. – Мила положила ногу на ногу и скрестила на груди руки.

– Не знал, что ты профессиональный палач, – заметил Айвен.

– Спасибо. А теперь жду ответа на заданные вопросы.

Айвен понаблюдал за покачиванием ее ноги и опустил глаза.

* * *

Многое припоминалось отчетливо, но в большинстве случаев картинки проступали неполными и какими-то смазанными. Искусственная память вносила искажения.

Шла вторая земная неделя вынужденного пребывания «Картхорс» на орбите Терры-два. Причину задержки так толком и не объяснили. Подполковник Аткинсон, исполняющий обязанности командира, время от времени переругивался с местными властями, грозясь сбросить груз, предназначенный для Терры-два, в открытый космос и отчалить, во избежание нарушения сроков поставок другим адресатам.

– Не выношу бездействия! – ярился он. – Лучше бы и не выходил из криосна!

Только на третьей неделе ситуация прояснилась. Объявленный карантин внес разнообразие в их монотонную жизнь, но положение быстро перестало забавлять членов команды, которых увешали датчиками. Медики в полной защитной экипировке каждые трое суток исправно появлялись на борту и брали всевозможные анализы. Неудивительно, что команда начала роптать.

Бактерия, как говорили, родилась на Земле. Там уже вовсю бушевала эпидемия. Сотни кораблей, успевших зачерпнуть смертельную заразу, разносили ее по космическому пространству, грозя инфицировать Терры. Ученые не знали, как справиться с бактерией. Судьбы землян теперь зависели от силы их собственных организмов и резолюции, которую должна была вынести ООН по отношению к зараженным. Все с напряжением следили за новостями.

Первым на «Картхорс» умер Корнелий Холаскас. Тот день ничем не отличался от предыдущих, которые они бесплодно просиживали на орбите, но именно он положил начало череде страшных смертей. Команды медиков теперь непрерывно дежурили на борту, сменяя одна другую, но их уколы и снадобья не приносили ни облегчения, ни, тем более, исцеления. Липкими, холодными лапами ужас охватил души и сердца людей, запертых в смертельной ловушке. Тони Портмен покончил жизнь самоубийством, насмотревшись на муки умиравших товарищей и не желая испытывать подобное на собственной шкуре. Две трети экипажа в течение четырех дней ушли в небытие. Оставшиеся понимали, что их ожидает та же участь. Люди больше не устраивали истерик, не требовали выпустить их из камеры смерти, в которую превратился корабль. Все пребывали в состоянии отупения и заторможенности, вероятно, от количества принимаемых лекарств. Устав от бунтов, медики наверняка стали применять лошадиные дозы транквилизаторов. Остатки некогда дружного экипажа сидели в кают-компании и ждали своего последнего гостя – смерти. У людей не было ни сил, ни желания расходиться по каютам, где их встречали молчаливым укором осиротевшие койки их недавних товарищей.

– Знаете, кэп, у русских смерть – особа женского пола, – почти без всякого выражения произнес навигатор Сэнди, долговязый негроид с широким изуродованным носом. Несмотря на то, что Айвен был пять месяцев назад временно отстранен от должности командира, Сэнди продолжал называть его кэпом.

– Приятель, неужели ты и впрямь думаешь, что если к тебе заглянет русская смерть, исход встречи будет иным? – У Айвена еле хватило сил на усмешку.

– Кто знает, – вздохнул навигатор.

– Сэнди, – сказал Айвен. – Русские ассимилировались после того, как стали интернационалистами. Эти их потомки, вроде лейтенанта Ладимирского, которого я отлупил, утратили прежнюю духовность, присущую этому народу, и ничего не знают о смерти. Да-да, я читал о них в одной книжке...

Айвен прикрыл глаза и попытался представить женщину-смерть, крадущую его жизнь. Какая она? Прекрасная или уродливая? Не хотелось думать о заразе, пожирающей его изнутри. Где они ее подцепили? Еще на Земле или где-нибудь по пути? За время полета было несколько

остановок, большей частью на космических станциях. Груз сдал – груз принял. Прекрасная женщина смерть. Груз с Земли для станции Омега-10, Дельта-4... Для прекрасной ничего не жаль, даже жизни.

Нет, жизни все-таки жаль. Думать не хотелось, мысли, словно плавали в вязком киселе, и сами становились тягучими, в них терялась логика.

Через несколько часов провозгласили резолюцию ООН. Согласно ей, все зараженные имели право на отсрочку. Единственной, хоть и маловероятной возможностью спасти жизни землян было криогенное усыпление на длительный срок, с тем, чтобы дать ученым время создать лекарство.

Никто тогда не предполагал, что срок окажется столь длительным.

Смит тяжело вздохнул и поморщился: видно было, что узлы, затянутые Милой, причиняли ему боль.

– Вот так, девочка. Ты вряд ли сможешь отыскать официальные данные о моей персоне, чтобы убедиться в истинности того, что я говорю. Я родился сто сорок три года назад на старушке Земле. Наверное, ты знаешь, что в то время шла активная эмиграция на Терру-один.

– Ты – один из тех размороженных?! – Новость потрясла Милу: «Значит, не было никакой резервации, куда якобы поселили землян, значит, Киберлайф не ограничилась всего лишь коррекцией настроения, значит...»

– Именно так. Наверняка, за сотню лет средство от нашей болезни было найдено, либо бактерия сама подохла от холода. Боюсь, я этого никогда не узнаю. Ваш мир не принял нас такими, какие мы есть, он решил нас перекроить. Правда это или нет, но мне сказали, что мозги у нас от времени и холода сильно пострадали. Поэтому нам и вшили проклятые биосиверы. Они исправляют недостатки.

Мила громко сглотнула: «Выходит, вся его биография от начала до конца – ложь. И не было ни сестры Миранды, ни одинокого романтика, мечтающего о любви... А до того? Каким Рихард-Айвен был прежде?»

– Ты – астронавт... – проговорила она.

– Я покидал землю в должности командира корабля, но через месяц был временно разжалован: я избил лейтенанта, придурка, уснувшего на вахте. Следующие пять месяцев вплоть до усыпления я служил механиком.

Мила внимательно посмотрела на осунувшееся лицо Смита. Затем взглянула на экран. Ни единого пика возмущения на диаграмме, выдаваемой прибором, не возникло. Мила проверила работу устройства. Все в порядке. Значит, это правда.

Она облизала пересохшие губы.

– Откуда ты узнал о биосивере?

– Я умею получать информацию, если мне это нужно. Когда память частично вернулась, я сбежал из больницы.

– А мне сказали: ты выписан.

– Верь этим кретинам больше. Я отправился в центр «Счастливая семья», нашел там гребанного оператора, прижал его к стенке и выудил немного информации. Знаешь, что он мне сказал? Этот сукин сын сказал, что все мои воспоминания о жизни на Терре-три ложны и привиты вместе с биосивером сразу после разморозки. Государство обязало «Счастливую семью» заниматься реабилитацией таких как я. Процедуру делают спецы из Киберлайф. Слышала о такой организации?

Мила кивнула.

– А память... полностью вернулась? – спросила она.

– В ней дыр – пруд пруди, – буркнул Смит. – У меня мозги частично разрушены, биосивер компенсирует работу пострадавших участков. Так сказал мне оператор.

– Что ты собираешься делать?

– Сказать Новой Системе: нет. – Айвен поежился, подтянул связанные колени чуть выше, – Развяжи меня...

– Хорошо. Только, если ты и вправду был полковником, дай мне слово, что будешь вести себя подобающе.

– Даю, – мрачно ответил Смит.

Мила распутала узлы, и землянин, медленно поднявшись, удалился в туалет.

Она проводила его взглядом и вдруг поймала себя на мысли, что начала жалеть Смита. Если биосивер – не выдумка, не бред сумасшедшего, то ее психотип просчитан совершенно точно. Она всегда жалела попавших в неприятности мужчин, потом в них влюблялась...

Пройдя несколько раз из угла в угол, Мила остановилась у монитора.

– Экс-Ти, убери датчики, сохрани запись и разыщи, пожалуйста, в сети все архивные статьи и заметки об эпидемии на Земле и в космических кораблях за последнее столетие.

– Не стоит этого делать.

Мила вздрогнула, она не слышала, как Смит вернулся.

– Экс-Ти, поиск отменить, – поспешно велела Мила. – Почему, Рихард? – она оговори-лась и почувствовала себя виноватой непонятно в чем.

– Зови меня Айвеном. Я объясню. Только дай сперва чего-нибудь пожевать.

Мила по-прежнему ощущала оттенки настроения своего бывшего мужчины, только то, что прежде казалось ей родственными чувствами, теперь воспринималось по-новому: искусственная коррекция отношений.

Она знала, что Айвен Смит еще не определился с линией поведения. Порой он испытывал некоторый конфуз, ему хотелось расслабиться, вернуть то, что было между ними прежде, но вдруг всплеск гордыни и обиды поглощали в себе мимолетную слабость, и в нем вновь вспыхивало раздражение.

Это был самый необычный ужин в ее жизни. Напротив сидел человек, каждую черточку которого она изучила, которого приняла всем сердцем. Было странно и больно осознавать, что на самом деле его не существует. Хотелось схватить за грудки этого чужого мужчину и трясти до тех пор, пока злобный дух Айвена не покинет тело Рихарда. Мила горько усмехнулась, поймав себя на этой мысли. Рихард бы заметил, почувствовал ее настроение, а этот просто уплетает жаркое и за весь ужин ни звука, ни слова одобрения по поводу ее наряда и кулинарных способностей.

– Мне не хочется говорить, – с набитым ртом произнес Айвен-Рихард, не поднимая глаз.

– О, черт! – непроизвольно вырвалось у Милы.

– Да, я чувствую то же, что и ты, – буркнул землянин. – Эта штука по-прежнему работает. Мила пожевала губу, не спросить она не могла.

– А как... это работает?

О! Какой взгляд! У него, как будто, двойное дно. Незнакомое выражение лица, чужое. Айвен почувствовал ее досаду.

– Я не знаю, как это у тебя, – сказал он. – У меня примерно так: перед мысленным взором возникают картинки, образы того, чего ты хочешь. Их не всегда удастся верно истолковать, но в большинстве случаев это несложно.

– Надо же! Помнишь, я рассказывала, что моя прабабушка была ветеринаром?

– При чем здесь ветеринария? – Во взгляде Айвена мелькнуло подозрение.

– Одно время она занималась проблемой коммуникации между хозяином и питомцем. Животным вшивали опытные образцы устройств с подобным принципом действия... – К концу фразы речь Милы замедлилась. Ох, что же она несет?..

– Я тебе не домашнее животное! – хмуро бросил землянин.

– Но мы ведь вообще случайно встретились, – вдруг нашлась Мила.

– Это вряд ли, – отрезал Смит и уткнулся в тарелку.

Мила прикрыла рот пальцами, словно это могло предотвратить поток глупостей, которые она еще могла сморозить.

– Так вот почему у тебя в доме оказались эти детекторы, – не поднимая головы, сказал Айвен. – Остались от прабабушкиных исследований.

После ужина он заявил:

– Я бы уехал один, но не могу. Твой биосивер меня не отпускает. У меня есть два выхода. Первый – таскать тебя с собой. Второй – прихватить только биосивер. – Он посмотрел на нее безразличным взглядом, но Мила, у которой внутри внезапно похолодело, почувствовала: Айвен сейчас не так бесстрастен, каким выглядит внешне.

– Ты этого не сделаешь, – сказала она. – Мы любили друг друга.

– Я никогда тебя не любил, – был ответ.

Мила поставила локти на стол и спрятала лицо в ладонях. Как же она растеряна, сокрушена.

– Ладно. Пойду спать, – сказал Айвен. – Устал. Завтра, на свежую голову, поговорим. Все.

Мила тихонько проскользнула в спальню, заперла на всякий случай дверь и, не желая больше мучиться тягостными размышлениями, приняла снотворное.

Глава 3

Фридрих Ганф, шеф-оператор двенадцатого региона, выключил компьютер, связывавший его с центральным сервером Энтеррона. Подойдя к зеркалу, он нарочито театральным движением отбросил черный локон, упавший на лицо. Локон улегся не так, как надо, – Фридриху пришлось его поправить.

Он критично осмотрел отражение. Собственное лицо казалось усталым, темные круги под глазами подчеркивали бледность кожи.

Сняв галстук, он расстегнул ворот белоснежной рубахи. На мускулистой груди блеснул платиновый кулон в форме Башни Правительства. Фридрих нащупал на затылке резинку, сдернул ее. Курчавые смоляные волосы скользнули по шее, обравив ее с обеих сторон.

Фридрих повращал головой, сделал несколько энергичных махов руками. Хотелось в тренажерный зал: мышцы требовали привычной нагрузки.

– Все, на сегодня больше никаких дел. – Даже собственный голос показался усталым.

Внезапно раздался гудок, вслед за которым секретарша сообщила, что в приемной ожидает Хальперин.

«Принесло эту развалину!» – с раздражением подумал Фридрих. Он помедлил, соображая, не отказать ли помощнику по внутренним делам в приеме, но идея представилась ему нелепой. Тонем величайшего снисхождения он дал добро. Прежде, чем дверь отползла в сторону, Фридрих вновь превратился в шеф-оператора: железного человека, гаранта беспристрастной законности, которому доверено управление одной двенадцатой частью Терры-три.

В кабинет тяжелой походкой вошел Хальперин. Лицо его было похоже на грубую маску, высеченную из камня. Фридрих Ганф встретил его взглядом холодным и жестким, перенатым у Якова Флиора – президента Терры-три и своего родного дяди. Хальперин, ростом доходивший Ганфу примерно до груди, выдержал взгляд, сохранив на лице бесстрастное выражение. Едва заметно поклонившись, он сказал:

– Шеф, в социуме чепе.

Борис Хальперин был староват для руководящей должности. Тридцать два года назад его назначили послом двенадцатого региона в четвертый. После трех лет работы за рубежом он получил повышение – должность помощника главного администратора по внешней политике. На этом посту Хальперин продержался пятнадцать лет, из кожи вон лез и был отмечен государственными наградами. Он совмещал обязанности постоянного регионального представителя в Совете Безопасности. На нынешнюю должность его назначили по рекомендации президента (в ту пору на Терре-три еще правил клан Траубергов). Хальперин был единственным из высших чинов прежнего кабинета, которого Ганф оставил при портфеле, возглавив администрацию региона четыре года назад.

Старик дорабатывал срок. Годы брали свое: изменилась осанка, движения, голос. Говорил Хальперин с расстановкой и долгими паузами. Случалось, в неподходящий момент он не мог быстро вспомнить слово, недавно вошедшее в обиход. Ганф знал, как страшно Борису уходить: преданность государственной работе и привычка искоренять в себе стремление к домашнему уюту воспитали в нем боязнь перед покоем пенсионера.

Хальперин пригладил необычайно редкие, но лишённые седины волосы и, еще раз поклонившись, сделал два шага назад. Не сводя с помощника взгляда, Ганф кивнул на стул. Борис со стариковской медлительностью опустился на край, достал миником.

– Необходимо ваше вмешательство, шеф, – начал он, глядя в текст.

– К делу, – буркнул Ганф, чувствуя, как портится настроение.

Прокашлявшись, Хальперин стал читать:

– Айвен Смит, размороженный. Место рождения – Земля. Год рождения – две тысячи пятьсот сорок девятый. По-новому – сто пятьдесят седьмой. Австралиец. В прошлом полковник, командир грузового корабля «Картхорс». Четыре государственные награды, шесть административных взысканий. Холерик. Характер сложный, противоречивый. До перехода в отряд дальних полетов оставалось налетать одиннадцать месяцев плюс месяц из срока последнего наказания. Подавал документы на курсы для высшего командного состава. Болезнью Топоса заразился во время перелета. На момент заболевания и криогенного усыпления полковнику было тридцать два года. В заморозке пребывал сто одиннадцать лет. Выведен из сна около года назад. Разрушение коры головного мозга двенадцать процентов. Проведена... гипнотическая индукция амнезии... и... импринтинг новых воспоминаний. Коррекция полная. Оценка по шкале Винтера – двадцать баллов.

Хальперин убрал миником и продолжал, глядя в пустоту:

– Позавчера во время конфликта с неким Дэном Бруксом Смит получил сотрясение головного мозга, из-за чего произошел сбой в работе биосивера. По нашим данным, Смит удалось восстановить часть воспоминаний. Был госпитализирован. Пробыл в больнице несколько часов, бежал. Незаконно проник в служебное помещение центра имплантации. Учинил противоправные действия по отношению к оператору электронного слежения Поповскому. На моем уровне программы видно вот что: основной канал связи с биосивером Смита заблокирован Энтерроном, невозможно воспользоваться системой контроля объекта. Энтеррон отслеживает Смита по топографическому каналу, а также по основному каналу некой Камиллы Левитской, с которой Смит состоит в гражданском браке. Шеф...

Внезапно лоб Хальперина прорезали две глубокие продольные морщины. Понизив голос, старик произнес:

– Энтеррон вступил в игру. Он не хочет, чтобы мы задерживали Смита.

Ганф прошелся по мягкому ковру, обычно в движении ему лучше думалось. Первое, что пришло на ум – связаться с внерегиональным отделом (ВРО). Перед глазами всплыло лицо президента: «Прежде чем впадать в истерику, думай, племянник». Думай же, Фридрих, ибо что-то тут не так.

– С вашего позволения, шеф, я мог бы применить более масштабную операцию, – отрывисто произнес Хальперин. – Разумеется, то, что в моих полномочиях. Местоположение объекта известно. Однако я не имею права приступать к активным действиям, не посоветовавшись с вами. Моя задача – действовать с наименьшим количеством просчетов. Полагаю, что каждое решение, принятое искусственным интеллектом, служит Новой Системе. Но мне малопонятна тактика машины.

После долгой паузы Ганф сказал:

– Из вашего размытого рапорта я делаю вывод, что Смит социально опасен, но кто-то не хочет, чтобы вопрос его задержания был решен немедленно.

– Именно так, шеф. Мои люди следят за ним и готовы по первой же команде арестовать. Однако по отношению к размороженным действует пункт четыре седьмой статьи закона Терры-три «О разморозке, лечении и реабилитации землян, зараженных болезнью Топоса»: «Все правоохранительные действия только в пределах программы Киберлайф».

– Да, это так, – отрезал Ганф. – Без ведома Энтеррона мы ничего не можем изменить. Но Энтеррон не сообщал мне ни о каком инциденте.

Он оживил в памяти события минувшего дня. До обеда они беседовали о размещении государственных и региональных заказов. После обеда – о делах молодежи и социальной инфраструктуре. «Башковитый» был как всегда лаконичен и предупредителен. Никаких намеков на чепе.

Ситуация была не из простых. Случись подобное в соседнем регионе, Ганф и ухом бы не повел – не его проблемы. Но казус, который выдала программа, заставил серьезно беспоко-

иться. Совершенный механизм дал сбой. Новая Система оказалась не такой безупречной, как уверяли организаторы Киберлайф и инструкторы ВРО.

«Энтеррон вступил в игру». Какая чушь! Нет, Фридрих Ганф не сомневался в том, кто в доме хозяин, он свято верил, что верховным хозяином является сам закон. Дело в другом: впервые за много лет он почувствовал себя некомпетентным. Последствия чепе для его, Ганфа, благополучия были непредсказуемы.

Разумеется, он безупречно знал законы и четко представлял свое место в Новой Системе. Единственно правильным в этой ситуации было переложить ответственность за решение проблемы на внерегиональный отдел. Если бы не один момент: ВРО имел свои глаза повсюду. Там не могли не знать о случившемся и первым делом должны были известить о программной ошибке его – шеф-оператора региона. Но они этого не сделали.

– Шеф, – напомнил о себе Хальперин. – Вы, верно, и сами понимаете, что ситуация беспрецедентная. Мы не можем терять ни минуты.

Ганф смерил подчиненного ледяным взглядом, но на этот раз ему пришлось подавить неудержимое, почти судорожное желание раздраженно фыркнуть.

– Что вы думаете по этому поводу? – спросил он.

– Сперва я решил, что это проверка, – отозвался Борис. – Я подумал: ВРО проверяет меня и мою службу. Но в этом случае вас бы уведомили первым. Теперь, когда я знаю, что вам самому об этом ничего не известно, мне кое-что взбрело на ум: разработчики где-то просчитались. Машине пришел конец, шеф. Именно так. Я склоняюсь к мысли, что необходимо сразу же сообщить во ВРО. Но прежде не мешало бы получить дополнительные подтверждения.

«Старая ты змея, – подумал Ганф. – Тебя самого подослали». Ему стало тоскливо, но он быстро взял себя в руки: «Так. Все будет в порядке, если ты останешься верен логике. Чепе в социуме совпало по времени со сбоем в программе. Каким-то образом это ушло от внимания агентов ВРО. Может такое быть? Теоретически – да. Практически – нет. Начнем с внимательного изучения дела».

– Перенесите информацию на мой локальный компьютер, и вы свободны, – сказал он. – Я хочу прочитать все сам и немного подумать.

Борис сделал то, что велел ему шеф, и вышел.

* * *

Утром пришло уведомление о том, что Дэна через неделю отпустят на свободу после выполнения принудительных общественно-полезных работ, оплата за которые будет переведена на счет Милы, в качестве компенсации материального и морального ущерба. Предлагаемый трехдневный курс психотерапии в Центре «Счастливая семья» будет оплачен из штрафа, наложенного на нарушителя правопорядка.

– Что опять случилось? – проворчал заспанный Айвен, войдя в кухню.

Мила молча ткнула пальцем в монитор.

– Думаешь, его там... подремонтируют? – покрутив пальцем у виска, спросил Айвен.

– Не знаю. – Мила стала готовить кофе. Этот ритуал тоже был одним из прижившихся в ее доме анахронизмов.

Айвен сел за стол и молча стал наблюдать за процедурой. Мила обернулась и внимательно на него посмотрела.

– Моя мать тоже готовила кофе, – произнес Айвен.

«Сестра милосердия, сиделка, мама – старая песня, – подумала Мила. – Почему бы для разнообразия кому-нибудь не побыть папой?»

– Ты не похожа на нее, – добавил Айвен. – Вы – две противоположности. Так же как я и твой придурок Рихард. Садись, девочка моя! – Его тон стал язвительным. – Я налью тебе кофейку и намажу булочку маслом.

Выражение ужаса на лице Милы заставило Айвена ухмыльнуться.

– Я... Я не хочу находиться с тобой в одном доме! – срывающимся голосом произнесла Мила.

– Обратись в «Семью». Скажи, что недовольна Новой Системой. Попроси, чтобы тебе вскрыли черепушку и вытащили биосивер. А до тех пор, где бы я ни находился, я буду знать, о чем ты думаешь и что чувствуешь. Связь дальнедействующая.

Вдруг Айвен болезненно зажмурился, потер лицо руками, а когда убрал ладони, взгляд его был ясным и внимательным.

Он встал и, приблизившись к Миле, подал ей руку.

– Можно, я тебе помогу?

Айвен взял у нее прихватку и вовремя убрал турку с закипевшим кофе. Мила растерянно отступила и опустилась на стул. Эта обратная метаморфоза напугала ее даже больше, чем превращение Рихарда в Айвена. Ведь он сейчас не притворялся, не ерничал, если ощущения ее не обманули. Айвен нарезал хлеб и бекон, сервировал стол и разлил ароматный кофе по чашкам. В полном отупении Мила наблюдала за его движениями.

– Сегодня мы во что бы то ни стало продумаем план действий, – пообещал Айвен, протягивая Миле бутерброд, – Обсудим все до мельчайших подробностей. Я съезжу на работу, возьму длительный отпуск. Я ведь не знаю что за тестеры и сканеры понатыканы в здании, где расположена наша фирма. Не хочется, чтобы ребята, проделавшие надо мной свой гениальный эксперимент, обнаружили неполадки в работе биосивера. Признаться честно, Рихард Сваровски – слюнтяй, и он мне совершенно несимпатичен.

– Разве... ты сейчас не Рихард? – изумленно спросила Мила.

Айвен бросил на нее быстрый взгляд и принялся жевать бутерброд.

– Не возражаешь, если я воспользуюсь твоим компьютером? – спросил он.

Мила мотнула головой.

– Хорошо, – сказал Айвен. – Мне нужно воссоздать портреты моих бывших сослуживцев. Создам фоторобот каждого, а потом попрошу программу найти этих людей в сети. Логично?

– Зачем тебе это нужно?

Айвен взмахнул рукой, что могло означать: «Ну это же элементарно!», и кусок бекона, слетев с бутерброда, шлепнулся на пол. Малыш-уборщик выскочил из кладовки, притормозил возле бело-розового пласта на полу и, примериваясь, словно курица наседка, медленно над ним закружился, стараясь всосать в свои недра. В итоге, бекон застрял в поглотителе, от чего уборщик неистово взвыл и внезапно задымил.

– О, нет! – Мила подскочила к малышу, отключила и бережно взяла на руки. – Умер, – пробормотала она и со слезами на глазах вышла из кухни.

– Проклятье! Теперь я еще и убийца домашнего любимца, – пробормотал Айвен, возведя глаза к потолку.

Мила влетела в техническую комнату, расположенную в подвале и присела на ящик с запасными прокладками для домашнего салона красоты. Баюкая на коленях смердящего горелой изоляцией робота, она задумалась над своей горькой судьбой. Поплакать в свое удовольствие – это как раз то, чего ей не хватало в последние сутки.

Нарывавшись вволю, она устала на безжизненного робота пустым взглядом. Его следовало со всеми возможными почестями опустить в мусорный бак для металлического лома и вернуться на кухню. Разговор с Айвеном намечался долгий, но Мила была не в состоянии сейчас его продолжать. Конечно, она знала, что прятать голову в песок это не выход, но как бы ей хотелось никогда не попадать в такую ситуацию.

Почему она так хотела создать семью? Что искала? Мила хотела заботы и хотела заботиться, хотела, чтобы дом вновь наполнился голосами. Ее микрокосм опустел, когда не стало бабушки, а через восемь лет родителей. Остались только воспоминания о том, как приятно было возвращаться домой, где тебя ждут. Неужели она искала это детское чувство защищенности? Потерянный рай. Жизнь показывала, что нет ничего незыблемого, а Мила продолжала искать постоянство. И чем менее вероятным казалось его существование в природе, тем больше ей хотелось его заполучить. Хотелось найти своего мужчину и строить с ним будущее, подарить себя, как целый мир, создать свою маленькую вселенную, где зазвучали бы детские голоса. И любоваться своим творением, как цветущим садом, который требует много труда, но взамен дарит радость, стократно превосходящую заботы.

Вошел Айвен, осторожно извлек робота из объятий Милы и, взяв с полки чемоданчик с инструментами, принялся демонтировать пострадавший механизм.

Мила уткнулась лбом в колени и изредка шмыгала носом. Через пять минут, окончательно успокоившись, она поднялась и, уходя, бросила напоследок:

- Спасибо, но не стоит тратить на уборщика время и силы, он давным-давно устарел.
- Но он ведь дорог тебе, как память, – пожал плечами Айвен. – Покопаюсь, раз уж начал.
- Как хочешь.

Мила отправилась туда, куда всегда уходила, чтобы прийти в благостное расположение духа – в свой сад. День обещал быть ясным и жарким. Подставив лицо ласкающим лучам солнца, Мила постояла рядом с буйно разросшимся кустом чайной розы, вдыхая любимый аромат. Будучи гением флороинженером, она питала страсть к созданию диковинных растений, но этот куст был неприкосновенным. Простое либо вычурное возникало под воздействием различных настроений. Конечно, играли роль и вкусы заказчиков, но чаще Мила творила для себя.

Насладившись солнцем, она достала из оранжереистой пристройки садовый инвентарь, чтобы прополоть грядки и разрыхлить почву. Мила собрала образцы сорняков, аккуратно их просканировала и “скормила” данные “прополщику”, который деловито засуетился, выдергивая из почвы то, что предписывала программа. Тщательный осмотр показал, что все растения-питомцы здоровы, только поливку бегоний следовало сделать менее обильной. Мила отметила это в компьютерном журнале и отправилась обходить свои владения, втыкая в землю датчики для определения концентрации в ней питательных веществ и уровня кислотности.

Заметив, что рассада фиалок привяла под палящим солнцем, Мила установила над ней сеточный тент. Как же она любила свой сад! Откуда такая страсть к растениям у дочери многих поколений зоологов? Мила, пожалуй, знала ответ. Когда-то в школе во время лабораторной работы по изучению рефлексов она не смогла отрезать лягушке голову. Мила перенастроила “прополщика” на режим рыхления и уселась под огромным кленолистным платаном, как всегда делала по завершении работы.

Со вчерашнего дня она жила в ожидании, что в любую минуту появятся люди из Киберлайф и заберут Айвена, окончательно поставив точку в их истории недолгого семейного счастья. Мила догадывалась – это неотвратимо, предопределено, решено кем-то свыше, принято и одобрено, и она бессильна, она не может этого изменить. Но время шло и ничего не происходило.

Через остекленную дверь кухни, выходящую в сад, ей было видно, как Айвен делает апельсиновый сок. А ведь ей действительно хочется пить. Тогда это не Айвен, это «пробу-дился» Рихард. Когда он отворил дверь и ступил на плитки дорожки, Мила сделала вид, что дремлет, привалившись к серебристо-серому стволу дерева. Она слышала, как Айвен подошел и присел на корточки.

Он поставил на землю поднос – бокалы тихо тренькнули о кувшин – и устроился рядом. Миле захотелось положить голову ему на плечо, но она не сделала этого. Айвен бы не понял

ее внезапного порыва, да она и сама не очень понимала, почему вдруг испытала такую острую тоску. А может, это вовсе не ее тоска? Вдруг это всего лишь обратная связь? Пусть! Мила готова была разделить эту душевную боль, но сомневалась, примет ли Айвен ее сострадание. Нужно ли оно этому человеку? «Я знаю, что тебе сейчас больно, – Мила мысленно обратилась к нему, – я хочу помочь». Он не подал знака, что «услышал» ее, но печаль стала почти осязаемой. «И правда, чем я могу помочь?» – Мила судорожно втянула носом воздух. Сквозь ресницы она видела танец солнечных пятен и ноги Айвена. Слезы исказили картину.

– Займусь-ка составлением фотороботов, – сказал он, поднялся и тут же ушел, не взглянув на Милу. Она сморгнула слезы и потянулась за графином. Движение вышло резким и неверным: графин упал, разбил стакан, а сок выплеснулся на траву. Мила принялась подбирать осколки.

– Приветствую! Не помешала? – Татьяна Бурцева появилась так неожиданно, что Мила вздрогнула и порезала палец.

– Ох, дорогая, как я сожалею! – Татьяна всплеснула руками. – Нужно сейчас же продезинфицировать рану и перевязать. Где у вас аптечка?

В сад неожиданно вышел Айвен. Видимо, до него долетели причитания соседки, потому что он прихватил аптечку. Айвен поприветствовал Татьяну и, присев на корточки, склонился к Миле.

– Сейчас изобразим, что мы самая счастливая пара на свете, – шепнул он едва слышно. – Надо кое-что проверить.

Мила едва заметно кивнула в ответ.

Небольшой порез на ее пальце Айвен обработал перекисью водорода и начал очень умело перевязывать. Татьяна продолжала все это время что-то говорить, но Мила, не обращая внимания на ее болтовню, пустую и бесконечную. Она смотрела на руки Айвена, потемневшие от загара, ощущала их тепло, чувствовала, что его забота – не фальшивка. Если бы сейчас, кто-то заявил, что между ними ничего нет, Мила плюнула бы лжецу в физиономию.

– Я приготовлю еще сока, – сказал Айвен, закончив бинтовать палец.

– Позвольте вам помочь, – оживилась Татьяна и, подхватив поднос, первой направилась к дому. Айвен закрыл аптечку и поднялся. Мила рассеянно улыбнулась ему, но ответной улыбки не последовало. Он развернулся и ушел. Это могло означать только одно: когда соседка не наблюдает, нет смысла прикидываться. «Я ошиблась, я все придумала», – поняла Мила.

Через некоторое время Айвен с соседкой вышли из дома. Мила услышала, как он спросил:

– Как поживают ваши детишки?

Зерно упало в благодатную почву, и госпожа Бурцева залилась соловьем на тему воспитания отпрысков, их талантов и планов.

– Что-то их во дворе не видно, – выразил сожаление Айвен, вклинившись между вдохом и продолжением фразы.

– О, сейчас они заняты уроками.

– Они у вас молодцы... – Айвен рассеянно улыбнулся и взглянул на поднос, который держал в руках. – Я забыл прихватить лед. Прошу меня извинить, дамы. Пойду наколю.

Он поставил поднос возле Милы и ушел. Она посмотрела на графин со свежесжатым апельсиновым соком, на стаканы, расписанные причудливой вязью, попыталась проследить одну из линий в переплетении узора. Рядом присела Татьяна. Она время что-то говорила. Мила кивнула, потому что соседка всегда вещала о правильном образе жизни, поэтому следовало соглашаться. Еще нужно было широко улыбаться, потому что позитивное мышление – главный элемент правильного мироощущения. Если бы для рекламного плаката с надписью «Жизнь – это сахар!» потребовалось найти модель, что несла бы в массы эту идею, Татьяна точно выиг-

рала бы конкурс. Мила растянула губы в улыбке. Она все же потеряла линию узора на стакане, то ли красный завиток ушел вверх, то ли нырнул под сложный узор направо.

– Как вы думаете, дорогая? – как сквозь вату донесся вопрос.

Мила встрепенулась, взглянула на соседку и, следуя все тому же принципу соглашательства, ответила:

– Я думаю, вы совершенно правы.

– Как приятно встретить единомышленника!

«Неужели она не видит, как мне плохо?» – Мила посмотрела на Татьяну, взглянула ей прямо в глаза. Появилось ощущение, что перед ней голограмма участницы телешоу «Счастливые домохозяйки». Почему раньше у нее не возникало такой ассоциации? Наверное потому, что она была полностью поглощена суррогатной любовью к Рихарду. Нет, неправда – настоящей! Что если бы появилась возможность вернуть эти отношения? Как бы она поступила?

Из дома вышел Айвен с полной миской колотого льда. Подойдя к госпоже Бурцевой почти вплотную, он внезапно споткнулся и, падая, схватился за ворот ее футболки и вывалил за шиворот с добрых полмиски. Бурцева с визгом вскочила и начала, извиваясь, избавляться от ледяных осколков. Айвен поднялся и, непрерывно извиняясь, принялся ей помогать, при этом нечаянно наступил на ногу.

Дети возникли как из-под земли. Мать их успокоила, поспешно собралась и откланялась, заверив Айвена, что ничуть на него не сердится.

– Ну, и к чему весь этот цирк? – сурово спросила Мила, когда соседи пропали из виду.

– Пойдем в дом, там поговорим.

У него был насмешливый взгляд.

– У детей биосиверы, – как только за ними закрылась дверь, заявил он.

– Ты спятил!

Айвен покачал головой.

– Ничуть.

– Это паранойя!

– Подумай, как следует. Где находились эти ангелочки во время нашего пикника?

Мила наморщила лоб.

– Выходит, ты не внимательно слушала, что говорит твоя подружка, – упрекнул Айвен.

– Она мне не подружка! Я всего лишь поддерживаю добрососедские отношения. Это – во-первых. Во-вторых, через полторы минуты ее болтовни у меня наступает передозировка, и я просто отключаюсь.

– Ладно, проехали, – отмахнулся Айвен. – Ребятишки делали уроки. А где они их делают? Правильно, в своей комнате, окна которой выходят на соседнюю улицу. Ты, конечно, не помнишь, но Бурцева говорила, что создает для их занятий все условия. В том числе, включает абсолютную звукоизоляцию, чтобы деток ничто не отвлекало.

Мила приподняла брови, призывая Айвена продолжить объяснения.

– Элементарно! – сказал он. – Детишки не могли ни видеть, ни слышать того, что происходило с мамашей. Они *почувствовали*! Логично?

– А если это просто невероятное совпадение? – после минутной заминки спросила Мила.

Айвен, все это время бродивший из угла в угол, рухнул в кресло напротив и, вздохнув, произнес:

– Мне известно, каково это – внезапно обнаружить, что мир вокруг вовсе не такой, каким ты привык его видеть. Проведем еще пару экспериментов, хотя и одного достаточно. Дети ведут себя странно. Похоже, они на дистанционном управлении.

– Ничего не понимаю в детях, – пожала плечами Мила. – Единственное, что я знаю – Бурцевы их усыновили.

Произнеся это, она замерла, пораженная страшной догадкой.

– Заметь, я об этом узнал только сейчас, – произнес Айвен, доставая сигареты и закуривая. – Итак, скоро мы сможем определить масштабы обмана. А пока следующая часть расследования – твой бывший муж.

– Нет, я не хочу в это вникать. Меня это не касается. Зачем тебе какие-то расследования?

– Заткнись! – неожиданно рявкнул Айвен. – Тебя, похоже, не особенно беспокоит, что в голове появилась лишняя деталь. Или это единственное, что есть в твоей башке?! Ты, как выращивала свои сорняки, так и продолжаешь в том же духе! А мне эта дрянь, – Айвен постучал кулаком по лбу, – уйти не дает!

Мила едва не расплакалась от обиды и злости. Кто дал право этому отмороженному землянину оскорблять ее?! Захотелось крикнуть в ответ что-нибудь очень обидное, чтобы ему тоже стало больно.

– Прости, – вдруг сказал он. – Ты не виновата.

Мила как раз набрала в грудь воздуха, но передумала ругаться и тихо спросила:

– Куда? Куда ты хочешь уйти?

– Увидим! – отмахнулся Айвен, и лицо его сделалось угрюмым.

* * *

Две недели назад шеф-оператору двенадцатого региона Фридриху Ганфу доложили об окончании работ по демонтажу второго холодильника, о чем он в тот же день рассказал в частной виртуальной беседе своему дяде, президенту Терры-три Якову Флиору. Дядя Яков похвалил племянника за оперативность и обещал приставить к очередной награде. По этому поводу Фридрих запланировал небольшую вечеринку, на которую пригласил помощников с супругами, нескольких популярных артистов из числа старых друзей, в которое входил эстрадный певец Ремо – звезда первой величины, и представителя трансрегиональной строительной компании, занимавшейся демонтажем холодильников.

После празднования столь удачного завершения миссии по спасению землян, Фридрих собирался переключиться на решение вопросов, связанных с тотальным введением в обиход программы Киберлайф. Как вдруг возникли неожиданные осложнения.

Поначалу Компьютер ни единого шага не делал, не посоветовавшись с шеф-операторами. Он отполировывал методики, разработанные людьми, и не только в области наук: варианты его законопроектов очень скоро признали самыми разумными. Не прошло и года, как Энтеррон стал частью террионского общества. Постепенно он начал управлять электронной сетью, и сам переименовал ее в Энтеррнет; по распоряжениям шеф-операторов он принял на себя контроль за исполнением законов банками, предприятиями и частными лицами, и со временем в его базе данных скопилась полная информация о каждом жителе Терры-три.

Но задачей номер один для Энтеррона по-прежнему оставалась «коррекция поведения клиентов». Опыт показал, что «новые люди» благотворно влияли на неимплантеров. Расширение масштабов контроля казалось правительству настолько заманчивым, что административный союз выделил несколько триллионов терро на рекламу имплантации искусственного настроения. Целые ассоциации психологов трудились над созданием нового культа. Были сняты сотни фильмов; над городами взметнулись тысячи голограмм; слово «биосивер» вошло в обиход и стало ассоциироваться с такими понятиями как «счастье», «любовь» и «будущее». Результат не заставил себя ждать: люди потянулись в филиалы Киберлайф.

Было, однако, обстоятельство, которое правительству пришлось утаить от граждан Терры-три: в коррекции настроения «размороженных» Энтеррон пошел по единственно возможному пути. Он стер землянам старые воспоминания и заменил их суррогатом. Ранее незнакомые люди «узнавали» друг друга: сценарии их прошлого успешного опыта разработал в высшей степени гуманный искусственный интеллект, надежно ограниченный в своей тотали-

тарности заложенной в него программой. Для большей надежности президент отдал распоряжение всем главным администраторам Терры-три находиться в ежедневном контакте с региональными серверами Энтеррона – Головами. Им суждено было стать гарантами Новой Системы и с этих пор именоваться шеф-операторами.

Фридрих вывел на большой экран два голографических фото Айвена Смита. Одно сделано до заморозки, второе – при выдаче паспорта террионцу Рихарду Сваровски. На первом – смуглое волевое лицо; черные, как ночь, глаза смотрят с вызовом. На втором – то же лицо, но взгляд мягкий, аристократически задумчивый.

– Чем же ты так понравился Энтеррону? Что за игру затеял Башковитый? – Это прозвище быстро прижилось в среде шеф-операторов, но Энтеррон никогда на него не отзывался, причем иной раз даже складывалось впечатление, что он игнорировал его демонстративно.

Фотографии остались безмолвными. Внимательно рассмотрев снимки, Фридрих свернул их и открыл фото рыжего Дэна Брукса, пробежал взглядом его биографию. Затем открыл еще одно фото, на котором была изображена молодая красивая женщина Камилла Левитская.

– Вот из-за кого весь этот сыр-бор, – пробурчал он. – Что же важное вспомнил этот Смит Айвен, чтобы променять на него такую куколку?

Фридрих назвал пароль и пригласил Энтеррон к разговору. Зазвучала «Фантастическая симфония» Берлиоза, – ею искусственный интеллект обычно приветствовал шеф-оператора. На мониторе возник силуэт Башни Правительства.

– Почему ты не ушел? – прозвучал тихий, мелодичный голос.

– Айвен Смит, – сухо сказал Фридрих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.